МАРЛИС ШТАЙНЕР

ГИТЛЕР

Марлис Штайнер

Гитлер

«Этерна»

1991

Штайнер М.

Гитлер / М. Штайнер — «Этерна», 1991

Существует ли связь между обществом, идеологией, политической культурой Германии и личностью человека, который руководил страной с 1933 по 1945 год? Бесчисленных книг о Третьем рейхе и Второй мировой войне недостаточно, чтобы ответить на этот ключевой вопрос. В этой книге автор шаг за шагом, от детства до берлинского бункера, прослеживает путь Гитлера. Кем был Адольф Гитлер – всевластным хозяином Третьего рейха, «слабым диктатором» или своего рода медиумом, говорящим голосом своей социальной среды и выражающим динамику ее развития и ее чаяния? «Забывать о том, что Гитлер был, или приуменьшать его роль значит совершать вторую ошибку – если первой считать то, что мы допустили возможность его существования», – пишет автор.

© Штайнер М., 1991
© Этерна, 1991

Содержание

Предисловие 5
Благодарности 8
Часть первая 9
Глава первая 9
Предки Гитлера 10
Взаимоотношения с родителями 13
Глава вторая 38
Национал-социализм и Германия 38
Роль личности 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Марлис Штайнер
Гитлер

Предисловие

Предлагать вниманию читателя новую биографию Гитлера после работ таких авторов, как Конрад Хайден, Ален Балок, Иоахим Фест, Вернер Мазер и Джон Толанд (и это лишь самые громкие имена), и после вала публикаций, посвященных национал-социализму и Второй мировой войне, – в этом есть что-то от вызова. Можно даже сказать, что ни один автор не способен в одиночку написать биографическое исследование о жизни фюрера, отражающее всю специфику эпохи, ибо возможности биографии как литературного жанра не позволяют дать объемлющее толкование столь сложному феномену, как Адольф Гитлер.

К сверхизобилию материала и трудностям методологического характера добавляется еще одна проблема: с годами личность Гитлера все чаще стала восприниматься только и исключительно через призму национал-социализма. Поэтому, чтобы не упустить ничего важного, анализ необходимо вести сразу в четырех плоскостях: личностной, социально-экономической, политико-идеологической и нравственной. И наиболее усложняющим все предприятие представляется последний аспект. В самом деле, можно ли попытаться *sine ira et studio*[1] дать описание жизни человека, по определению не вызывающего ничего, кроме самого сурового осуждения? По идее, историк должен видеть свою задачу в том, чтобы сделать своего «героя» понятным читателю и найти разумное объяснение всем его поступкам. Но как объяснить то, что вообще не поддается рациональному осмыслению? Какими словами выразить то, что не укладывается в рамки человеческого сознания, например Освенцим? Может быть, для этого действительно нужен особый, «надчеловеческий» язык? Может быть, там, где реальность невыносима, остается лишь обратиться к метафоре?

Между тем историю не пишут «задом наперед». Поэтому и наш рассказ следует начинать не с Освенцима, а с рождения Адольфа Гитлера. Вторая мировая война и добровольное самоубийство как «конечное решение» всех проблем суть результат длительного пути, который можно и должно описать «нормальными» средствами. Этот путь включает в себя социально-экономический и политико-идеологический контекст Австро-Венгрии, царствования Вильгельма II, Веймарской республики и Третьего рейха. Само собой разумеется, все эти особенности окружающей обстановки должны быть набросаны в общих чертах, служа фоном полотну и показывая взаимодействие общества и описываемого персонажа.

Так что же в конце концов заставило меня пренебречь всеми этими трудностями и взяться за сочинение книги о человеке, самой характерной особенностью которого представляется очевидное на первый взгляд несоответствие между личной незначительностью и масштабом вызванных им катастроф? (Существует немало исследований, в которых доказывается необходимость пересмотра ряда устоявшихся оценок, в том числе касающихся интеллектуальных и политических способностей фигуры, именуемой «сплавом тривиального и экстраординарного».)

Я приняла этот вызов по нескольким причинам. Первой и самой главной из них является, бесспорно, тот факт, что облик Адольфа Гитлера, долгое время считавшегося своего рода бесом, этаким всесильным владыкой, постепенно заволакивается туманной дымкой, обращаясь то ли в фикцию, предмет поклонения, эротических или политических фантазий, то ли в продукт, если не структурную эманацию, современного ему общества. Подобная «деперсона-

[1] Без гнева и пристрастия *(лат.). – Здесь и далее прим. авт.*

лизация» уходит корнями как в избыток воображения, так и в историографию, отождествляющую Гитлера с нацистским режимом и сводящую его персональную роль к некоему «коду». Но ведь этот человек реально существовал, и его личное влияние на события не подлежит никакому сомнению! Гитлер – не фикция, не мираж и не миф, даже если он сам охотно поощрял создание мифов о себе и широко ими пользовался. Гитлер – не сверхчеловек и не «свихнувшийся бог», но существо из плоти и крови, которое мне, историку, хотелось бы воссоздать. Забывать о том, что Гитлер был, или приуменьшать его роль значит, как сказал Ральф Джиордано, совершать «вторую ошибку» – если первой считать то, что мы допустили возможность его существования. Следовательно, вопреки отвращению, которое вызывает в нас стремление «вернуть к жизни» того, кто «сверг Нерона и Калигулу с престола величайших в истории преступников», мы должны помнить, на что может быть способен человек по отношению к другим людям: *Homo homini lupus*[2]. Неслучайно Гитлер избрал себе в качестве псевдонима имя Вольф, что по-немецки значит волк.

Вторая причина заключается в том, что в последние годы появилось огромное количество новых источников и публикаций, позволяющих существенно расширить наши познания о предмете, обогатить их новыми гранями и оттенками, а заодно и прояснить некоторые спорные моменты. Это касается как корней национал-социализма, характера и политических, социальных и экономических взглядов Гитлера, общественного лица его избирателей, состава нацистской партии, стиля деятельности и технологий, используемых правительством фюрера, так и его подлинной роли в государстве.

В центре внимания этой книги лежит вопрос о взаимодействии Гитлера как отдельной личности с контекстом эпохи, понимаемым и в широком, и в более узком смысле. В мои намерения не входило ограничиться его жизнеописанием – это было сделано до меня, и я воспользовалась плодами трудов моих предшественников. Я стремилась дать как можно более широкое толкование феномена гитлеризма, того, что Эдуард Шпрангер называет *ubergreifende Interpretation,* а Вальтер Беньямин именует «общественным характером». Гитлер занимает меня как представитель своего времени, выражающий и, если воспользоваться формулировкой Иоахима Феста, укрупняющий его специфические черты.

Можно ли установить какое-либо соответствие между личностью фюрера, политической системой, политической культурой и состоянием немецкого общества? Существует ли диалектическая связь между этими четырьмя элементами, и если да, то в какой мере? Является ли один из них доминирующим? Иначе говоря, кто из историков, на протяжении долгого времени ведущих между собой бурные споры, ближе прочих подошел к «истине» – те, кто готов все на свете свести к личным устремлениям Гитлера и его программе, те, кто ищет объяснения в социально-экономических структурах и функциях, или те, для кого истинная проблема заключается в немецкой политической культуре, то есть в тех идеях и ценностях, которые определяют и конкретные действия, и политическую структуру? Кем был Гитлер – всевластным хозяином Третьего рейха, «слабым диктатором» или своего рода медиумом, говорящим голосом своей социальной среды и выражающим динамику ее развития и ее чаяния? Верно ли, что в самой фрагментарности личности главы государства воплотилась его раздробленность? Или и государство, и его лидер были отражением болезненной расчлененности немецкого общества?

Анализируя общество, его политическую систему и политическую культуру, а также личность Гитлера, необходимо учитывать все вышеупомянутые составляющие: и биографические данные, подкрепленные выводами специалистов по психоистории, и социально-структурные особенности специфического развития немецкого общества *(Sonderweg)* в сравнении с разви-

[2] Человек человеку волк *(лат.).*

тием других европейских цивилизаций, не упуская из виду их неразрывной связи с общественной функцией фюрера и господствовавшими в этом обществе идеями.

Третья и последняя причина, побудившая меня дать свой ответ на этот вызов, носит личный характер. Прошлое, все еще достаточно близкое, неотступно преследует меня. Да и много ли найдется немцев и немецких семей, которые в той или иной степени не задавались бы вопросом о собственной ответственности за приход к власти Гитлера и существование Третьего рейха?

Мое детство прошло в Швейцарии и Румынии. После 1936 года я на личном опыте узнала, что значит национал-социалистический режим. Тот факт, что мне довелось жить в последние предвоенные и еще более ключевые военные годы, открывает передо мной, как мне кажется, возможность рассматривать действительность той эпохи одновременно и изнутри, и с некоторой дистанции. Углубить эти познания мне позволили многолетние исследования, преподавательская работа в университете и подготовка ряда публикаций на эту тему.

Благодарности

В первую очередь я хотела бы выразить свою особую признательность профессору Жан-Батисту Дюрозелю, члену Академии гуманитарных и политических наук, который когда-то был моим научным руководителем, а впоследствии стал одним из друзей. Он согласился ознакомиться с готовой рукописью книги, избавил ее от наиболее бросающихся в глаза грамматических и стилистических огрехов и высказал немало замечаний.

Я также признательна моему литературному редактору издательства «Файар» Дени Маравалю за его понимание, активную поддержку и бесценную помощь в окончательной работе над текстом.

Написание книги, затрагивающей так много различных областей, было бы невозможно без продолжительных дискуссий с историками, специализирующимися на этой теме. Я благодарю профессора Манфреда Мессершмидта, бывшего директора по науке Института военной истории Фрейбурга в Бризгау, и его сотрудников, в том числе Юргена Ферстера, Рольф-Дитера Мюллера, Дефтеля Фогеля и Бернарда Вегнера, которым я обязана многими ценными советами. Мои друзья и коллеги Бригитта Шредер-Гуденхас, в недавнем прошлом профессор Монреальского университета, а ныне директор Центра исследований в области истории науки и техники в парижском Научно-промышленном городке, и Рита Тальман, ведущая курс немецкой культуры в Университете Париж-VII, потратили немало сил, обсуждая со мной наиболее «колючие» вопросы. Их дружеская поддержка во многом помогла мне справиться с работой над этой трудной книгой.

Я также благодарна заместителю директора Мюнхенского института современной истории профессору Людольфу Гербсту за наши плодотворные дискуссии и данное мне разрешение знакомиться с нигде не публиковавшимися материалами.

Мне также хотелось бы выразить свою признательность генеральному секретарю Высшего университетского института международных наук Женевы Жан-Клоду Фрашбуру, как и я – историку, за его финансовую поддержку, значительно облегчившую мне библиографические изыскания, которые любезно согласилась взять на себя Доминика Моно. Без помощи и содействия библиотеки этого института книга никогда не была бы написана. Я искренне благодарна ее директору Пьеру Паньо, главному библиотекарю Кам-Лай Нгуен Тхи, секретарю дирекции Ирен Совен и всем сотрудникам библиотеки за их терпение и благожелательность.

Июль, 1990

Часть первая
Метаморфозы

Глава первая
Формирование личности

Осенью 1971 года Вернер Мазер писал, что пришло время, когда стало наконец возможным составить жизнеописание Адольфа Гитлера без всяких лакун и умолчаний. Как выяснилось, это утверждение прозвучало несколько преждевременно, ибо с тех пор появились новые публикации, основанные на вновь открытых документах. Мало того, дискуссия между «гитлероведами», а также появление в печати работ психоаналитиков, порой излагающих противоречивые или отталкивающиеся от спорных либо неполных свидетельств тезисы, подняли целый ряд проблем и поставили множество новых вопросов касательно генезиса личности Гитлера и истоков его основных убеждений. Все это требует пересмотра некоторых сложившихся оценок. Основной спор идет вокруг нескольких особенно важных тем – происхождения Гитлера, его отношений с родителями, влияния австрийского окружения и лет, проведенных в Вене и Мюнхене. Ниже мы попытаемся осветить все эти темы и тем самым реконструировать детские и юношеские годы Гитлера.

Может быть, уже здесь нам удастся обнаружить какие-то признаки и вероятные причины его психических и нервных расстройств, в частности нарциссизма и эгоцентризма? Возможно, мы найдем какие-то знаки, предвещающие ту прогрессирующую бесчеловечность и «окаменение», которые в дальнейшем стали столь характерными чертами его личности?

В своей книге *«Mein Kampf»*[3] Гитлер, по его собственному признанию, стремился «дать немецкому народу отчет» о своей жизни и своих взглядах. Это сочинение автобиографического характера, но начинается оно не с упоминания дня и года рождения, как большинство автобиографий, а с указания места рождения. Автор с удовлетворением отмечает, что ему довелось появиться на свет в Браунау-на-Инне – городе, расположенном на границе двух государств, «объединение» которых казалось ему в юности первостепенной задачей, требовавшей решения любыми средствами. Таким образом, будущий диктатор с самого начала вслух формулирует один из лейтмотивов своей дальнейшей деятельности: соединить людей одной крови в рамках единого рейха. Пока для немцев не будет создано единого государства, убежден он, они не имеют права выступать с какими-либо другими притязаниями, в частности колониальными. Городок Браунау-на-Инне – «немецкий по крови и австрийский по гражданскому статусу» – виделся ему символом собственной миссии. Даже если считать эти рассуждения не более чем выражением озабоченности, владевшей автором во время тюремного заключения, они проливают достаточно света на то, какие цели он ставил перед собой в 1924–1925 годы, как и на то, каким образом пытался извлечь пользу из места своего рождения.

Впрочем, Адольф Гитлер признает, что плохо помнит первые годы своей жизни, и это, в общем-то, нормально. Вместе с тем нельзя забывать, что для любого человека детские годы являются решающими для становления личности.

Дабы восстановить «предысторию» Гитлера, нам понадобится более пристально приглядеться к его семье и той среде, в которой новорожденный младенец впервые открыл глаза, где он сделал свои первые шаги, испытал первые радости и огорчения.

---

[3] «Моя борьба» *(нем.)*.

Предки Гитлера

Главным неизвестным лицом в этом списке остается дед со стороны отца. Такова ирония судьбы: человек, впоследствии потребовавший от каждого немца подтверждения арийского происхождения не только родителей, но и родителей родителей, сам был не в состоянии представить аналогичное доказательство! Этот пробел не преминул возбудить к себе повышенный интерес всех любопытствующих и вызвать к жизни всевозможные спекуляции и злые сплетни. Приоткрыть покров тайны над этим обстоятельством пытались и политические противники Гитлера, и историки, и даже приближенные фюрера (не исключая его самого). Но, несмотря на самые глубокие изыскания, никакой ясности в этом вопросе не удалось достичь и по сегодняшний день.

Но вот факты. 17 июня 1837 года Мария Анна Шиклгрубер, 42-летняя крестьянка, уроженка так называемого лесного района Австрии, в местечке Штронез, в области Цветте, что к северо-западу от Вены, в доме фермера родила мальчика. Ребенок родился от неизвестного отца и получил имя Алоис. Почему он появился на свет не в доме отца Марии Анны, расположенном в той же самой деревне? Почему она не пожелала назвать отца ребенка? Родители Шиклгрубер – Иоганн и Тереза – еще в 1817 году продали свой дом сыну Йозефу, сохранив в нем для себя всего одну небольшую комнату. Мать Марии Анны умерла в 1821 году, так что представляется вполне объяснимым, что дочь не захотела рожать под кровом старика отца. Но почему она не пошла к брату? Этого мы не знаем. Впрочем, не исключено, что он испытывал финансовые затруднения, некоторое время спустя вынудившие его продать ферму. Итак, ребенок родился в доме Иоганна Труммельшлагера – крестьянина, ставшего мальчику крестным отцом. Может быть, он был ему не только крестным? Никакими данными в подтверждение этой гипотезы мы не располагаем.

До пятилетнего возраста Алоис вместе с Марией Анной жил в доме ее отца. Когда ей исполнилось 47 лет, она вышла замуж за бродившего по деревням безработного батрака с мельницы Иоганна Георга Гидлера. Уроженец Штронеса, он к тому времени успел один раз жениться и овдоветь, после смерти жены вернувшись в родную деревню. Судя по всему, семейство Гидлер-Шиклгрубер жило вовсе не в таких тяжких условиях, как это иногда пытаются доказать некоторые биографы. Тем не менее маленького Алоиса, который по-прежнему носил фамилию матери, отослали к дяде – Иоганну Непомуку Гюттлеру, брату Иоганна Георга Гидлера (написание родовых имен в те времена не было твердо устоявшимся). Его дом находился в Шпитале, где он и проживал со своей женой Евой Марией, урожденной Деккер, матерью Анной Марией Гидлер и тремя дочерьми – Иоганной, Вальбургой и Йозефой. Здесь Алоис нашел семейный очаг. Мария Анна скончалась в 1847 году. Отчим Алоиса вернулся к бродячей жизни и снова оказался в Шпитале гораздо позже. Здесь он и умер в 1857 году.

Насколько нам известно, Алоису в доме Иоганна Непомука жилось хорошо. Кстати сказать, он на всю дальнейшую жизнь сохранил теплые связи с этим семейством. После недолгого обучения в начальной школе Алоис начал работать. С 1851 по 1853 год был подмастерьем сапожника у одного из родственников, затем занимался тем же ремеслом в Вене. Однако он всегда стремился к другой жизни и мечтал о более высоком социальном положении государственного служащего. Вскоре молодой человек поступил в пограничную службу Министерства финансов – вначале внештатным сотрудником, но уже с 1855 года был зачислен в штат. Пройдя интенсивную подготовку, осенью 1861 года он сдал экзамен и получил назначение на должность *Finanzwach-Rezipient* – высшую в табели низших чинов. За этим последовали новые назначения и перемещения. В 1862 году он служил в Заальфельдене, близ Зальцбурга, в 1864-м – в Линце, на должности государственного чиновника. В 1870 году перебрался в Пассау, а в 1871-м был назначен таможенным контролером в Браунау-на-Инне.

Таким образом, можно сказать, что для незаконнорожденного сына бедной крестьянки, даже не получившего сколько-нибудь серьезного школьного образования, Алоис сделал выдающуюся карьеру. Практически он достиг уровня, на который мог претендовать только выпускник полной средней школы. Что им двигало? Возможно, он стремился доказать свои способности и тем самым выразить благодарность человеку, который его приютил и воспитал? Или он на самом деле просто оказался умней и честолюбивей прочих членов семейства?

Как бы там ни было, в 1873 году Алоис Шиклгрубер женился на Анне Глассль – дочери таможенного чиновника, которая была старше его на четырнадцать лет. К тому времени он уже успел обзавестись одним внебрачным ребенком от другой женщины. Остается загадкой, что его толкнуло к женитьбе – деньги, любовь или тот факт, что в Шпитале он постоянно находился в окружении женщин, превосходивших его по возрасту. Брак, судя по всему, оказался не слишком счастливым. Анна страдала легочным заболеванием (тем самым, от которого скончалась мать Алоиса), и он вел себя скорее ветрено. Завел связь со служанкой трактира, в котором проживал вместе с женой. Тогда же он вызвал к себе Клару Пелцль, внучку Иоганна Непомука Гюттлера, родившуюся от союза дочери последнего Иоанны со шпитальским крестьянином Иоганном Пельцлем. Вообще складывается впечатление, что на протяжении нескольких лет между Алоисом и этими тремя женщинами сложилось нечто вроде «шведской семьи» на четверых. И в эту же пору произошло событие, впоследствии давшее богатую почву для всевозможных спекуляций.

В июне 1876 года Алоис в сопровождении трех свидетелей – Йозефа Ромедера, зятя Иоганна Непомука (он женился на Вальбурге), Иоганна Брайтендера и Энгельберта Паука – явился в приходскую церковь Доллершейма, к которой принадлежала и коммуна Шпиталя. Он объявил кюре, что муж его матери Иоганн Георг Гидлер приходился ему отцом, что уже после женитьбы он признал свое отцовство и выразил желание сделать сына своим законным наследником. Все три свидетеля подтвердили его слова и подписали общее заявление. Кроме того, ходатай предъявил протокол легитимации, подписанный 6 июня 1876 года в присутствии нотариуса города Вайтры. По неизвестной причине имя Гидлера в этом документе претерпело изменения и превратилось в Гитлера. И несмотря на то что Иоганн Георг скончался почти двадцать лет тому назад, кюре Доллершейма удовлетворил просьбу и позволил ее подателю впредь именоваться не Шиклгрубером, а Гитлером. В результате переписки между церковными и правительственными органами власти, а также управлением финансов города Браунау легитимация получила подтверждение по статье *per matrimonium subsequens,* опирающейся на постановление министра внутренних дел от 12 сентября 1868 года, в котором говорилось о том, что следует по мере возможности поддерживать признание законности прав ребенка. Тем не менее слишком многие вопросы остаются без ответа. Почему оформление легитимации произошло так поздно и почему именно в это время? Представляется вероятным, что инициатором процедуры выступил Иоганн Непомук. Высказывалось несколько гипотез, объясняющих мотивы, которыми он при этом руководствовался: не имея родного сына, он хотел гордиться успехами Алоиса; неведомый отец был евреем, и это могло повредить чиновничьей карьере сына, и так далее.

Первые слухи по поводу отца-еврея впервые возникли в начале 1920-х годов, на них, в частности, ссылается в своих работах Конрад Хайден. Известна статья, написанная племянником Адольфа Гитлера, проживавшим в Англии, – она также содержит некоторые намеки на еврейское происхождение фюрера. Соответствующими изысканиями занимались гестапо и лично Гиммлер в 1942 году, однако никаких следов найти не удалось. Аналогичные подозрения высказывал Ганс Франк, занимавший пост генерал-губернатора Польши в 1939–1944 годах. В письме, написанном в камере нюрнбергской тюрьмы, он утверждает, что Гитлер, обеспокоенный угрозами со стороны одного из родственников, просил его провести расследование по этому вопросу. Франк сообщал, что у него имеется доказательство того, что Алоис был сыном

еврея по имени Франкенбергер, у которого Мария Анна якобы служила в Граце, и делал из этого вывод: Гитлер был на четверть евреем. Впоследствии эта гипотеза легла в основу целого ряда комментариев психоаналитического характера, авторы которых пытались с их помощью дать объяснение патологическому антисемитизму фюрера. Между тем глубокие исследования сразу нескольких историков показали: в Граце вообще никогда не проживал еврей по имени Франкенрайтер или Франкенбергер…

Таким образом, тезис о еврейском дедушке представляется лишенным оснований. По мнению историка Вернера Мазера, отцом Алоиса был не кто иной, как сам Иоганн Непомук; будучи человеком женатым, он предпочел выдать Алоиса за своего племянника. Все тот же Мазер полагает, что между Непомуком, Иоганном Георгом, Марией Анной Шиклгрубер и ее братьями Георгом и Францем довольно рано составилось нечто вроде «заговора», к которому позже присоединился и Алоис; и действительно, вскоре после легитимации последний получил от душеприказчика Марии Анны Франца Шиклгрубера значительную сумму денег; в 1988 году он же в качестве основного наследника Иоганна Непомука получил еще какие-то деньги, позволившие ему купить ферму в Вернхарте, близ Шпиталя. Покупка обошлась в 4000–5000 гульденов – скопить такую сумму при своем жаловании Алоис в принципе не мог, ведь ему приходилось содержать семью.

Мазер считает, что Гитлер был в курсе этой семейной истории, однако его источники не всегда вызывают доверие. Не подлежит сомнению, что фюрер не любил распространяться о своих предках – ни когда писал автобиографию, ни позже, – но это не должно нас удивлять. В числе авторов мемуаров немного найдется таких, кто не пытался бы путем умолчания или прямого искажения приукрасить свое происхождение. Гитлер в этом ряду не исключение, и его рассказ о себе являет яркий пример смеси *Dictung und Wahrheit* [4] – вымысла и правды.

Понятно, что, имея бабку небезупречной репутации и деда, справедливо подозреваемого в блудодеянии, гордиться особенно нечем, однако и это еще не все. Есть и другие малосимпатичные факты. Мать Гитлера Клара Пелцль, третья жена Алоиса, приходилась Иоганну Непомуку внучкой. Алоис женился на ней после кончины своей второй жены Франциски Матцельсбергер, с которой он жил после того, как расстался с Анной Глассль. От Франциски у него был сын Алоис, которого он в 1883 году, после смерти Анны и женитьбы на Франциске, признал своим законным отпрыском, и дочь Ангелика. Вскоре Франциска заболела, и в дом вернулась Клара Пелцль, прежде выставленная вон. Теперь она играла роль служанки, няньки и любовницы хозяина (которому после его легитимации приходилась родственницей второй ступени). Примерно в то же время, когда умерла Франциска (10 августа 1884 года, в возрасте 23 лет), Клара обнаружила, что беременна. Чтобы выйти замуж за Алоиса, то есть близкого родственника, ей понадобилось разрешение епископа, которое было получено. 7 января 1885 года в квартире, располагавшейся в здании трактира на окраине Браунау, состоялась свадьба. Если гипотеза Мазера верна, то Алоис приходился сводным братом своей мачехи и, следовательно, дядей своей жене – впрочем, именно так она к нему и обращалась.

Своего первого сына, Густава, Клара родила 17 мая 1885 года. 25 сентября 1886 года на свет появился второй ребенок – дочь Ида. Третий, сын Отто, умер вскоре после рождения. После трех лет замужества Кларе пришлось взять на себя заботу и о двоих детях Франциски. Наконец, 20 апреля 1889 года, в половине шестого вечера, она родила еще одного ребенка. Мальчика нарекли Адольфом.

[4] Название автобиографии Гете.

Взаимоотношения с родителями

Раннее детство

Согласно классической теории психоанализа, первые годы жизни являются ключевыми для становления человеческой личности. Даже притом, что психоаналитики, работавшие после Фрейда, доказали, что развитие личности продолжается на протяжении всей жизни путем преодоления различных кризисов, влияние первых детских впечатлений и ощущений очевидно.

Но для историка реконструкция первой фазы детства представляется почти непреодолимым препятствием. Как правило, ему приходится довольствоваться изучением письменных и устных свидетельств, полученных в более поздние годы и чаще всего – из внешнего окружения. В случае с Гитлером у нас нет возможности определить, какие события – если таковые имели место – оказали решающее воздействие на формирование его характера. Тем не менее, немалое число авторов пытались тщательнейшим образом исследовать каждый аспект его раннего детства с целью обнаружения каких-либо корней того зла, которое впоследствии принес миру этот человек.

Предлагаемые объяснения носят психоаналитический характер. Подавляющая их часть базируется на эдиповом комплексе: маленький мальчик вынужден иметь дело с грубостью авторитарного отца, внушающего ему страх «кастрации», и безволием нежной любящей матери. Если верить большому числу исторических свидетельств, эта схема почти идеально описывает ситуацию, в которой оказался юный Адольф. Единственным, кто склоняется к описанию скорее счастливой жизни ребенка в кругу семьи, остается Вернер Мазер (и собственные воспоминания Гитлера о своем детстве служат подтверждением этой посылки). Во всяком случае, можно считать твердо установленным, что семья жила в относительном достатке и что Алоис часто и подолгу отсутствовал, предоставляя жене заботу о доме и детях. Свободное время он предпочитал проводить за стаканом вина с друзьями (хотя, вопреки некоторым утверждениям, вовсе не был запойным пьяницей); также он любил возиться с пчелами, которых держал. Судя по устным и письменным высказываниям Гитлера, его отношения с отцом складывались не всегда легко и просто. Напротив, с матерью он был очень близок и горячо ее любил.

Подобный семейный расклад вызвал к жизни бесчисленное множество спекуляций, в частности касающихся подавляемых кровосмесительных влечений. Чрезмерная любовь к матери якобы обусловила то, как складывались в дальнейшем отношения Адольфа с женщинами, о чем мы еще будем говорить; по мнению других исследователей, он перенес эту свою страсть на всю Германию вообще – и эту гипотезу мы также запомним. Тот факт, что Клара гораздо дольше принятого кормила грудью своего болезненного ребенка, заставил ряд специалистов углядеть в этом причину ярко выраженного гурманства фюрера и его особенного пристрастия к шоколаду, пирожным и прочим сладостям. Но разве многие австрийцы не подвержены той же слабости? И никому и в голову не придет пытаться истолковать ее с тех же позиций. Может быть, все-таки речь скорее идет о черте культурологического характера? Можно привести еще множество причин, объясняющих любовь Гитлера к сладкому, например предположить, что оно служило ему своего рода компенсацией за другие лишения. Ведь Гитлер не курил, почти не пил вина, не позже чем в конце 1920-х годов сделался вегетарианцем и со временем – чем дальше, тем больше – практически отказался от удовлетворения сексуальных потребностей в угоду честолюбию. Не исключено поэтому, что его булимия играла роль разрядки от многих фрустраций. Разумеется, потребляемые сладости напоминали ему о матери, но в этом нет ничего патологического, ведь она наверняка часто баловала его тортами и про-

чими лакомствами. Женщина, целиком посвятившая себя домашнему хозяйству, она, конечно, прекрасно готовила. Еще более сомнительной представляется прямая связь между навязчивым стремлением Гитлера к завоеванию жизненного пространства и его прожорливостью, вызванной привычкой к перееданию. И уж совсем несерьезно выглядят попытки интерпретировать его отказы отдать приказ об очередном отступлении с территории Советского Союза как стойкое нежелание «обжоры» расстаться хоть с чем-то.

Напротив, гораздо более обоснованной представляется гипотеза о том, что чрезмерная материнская любовь и тесный симбиоз между матерью и сыном породили в последнем чувства всевластия и непогрешимости, спровоцировали бурный рост его «эго».

Другие толкования в рамках эдипова комплекса отталкиваются от того, что Гитлер ребенком мог присутствовать при сексуальном акте между родителями, откуда берет начало его ненависть к отцу, впоследствии через механизм вытеснения обратившаяся в ненависть к евреям.

Историку трудно опираться на подобные умозаключения, поскольку все они базируются на более чем спорных предположениях. Большая часть тех из них, что берут за основу эдипов комплекс, строит свои выводы на наблюдениях за другими психопатами, имеющими сходные с Гитлером черты характера: ярый антисемитизм, склонность к насилию, разрушительный дух. По некоторым признакам отсюда выводят, что Гитлер был подавленным гомосексуалистом, хотя нет ни одного факта, подтверждающего эту гипотезу, либо сексуальным извращенцем – клинические исследования доказывают, что у мальчиков, которых бьет отец, часто проявляются мазохистские тенденции. Нет никаких сомнений, что Алоис был человеком строгим и управлял домом как неоспоримый глава семьи, вполне вероятно не упускавший возможности время от времени наподдать сыну. Гитлер рассказывал об этом Шпееру и своей секретарше. Однако следует ли из этого, что в нем с неизбежностью развились садомазохистские наклонности? И возможно ли вслед за Алисой Миллер допустить, что все преступления Третьего рейха вызваны тем обстоятельством, что Гитлера в детстве лупил отец? Что его власть над таким количеством немцев объясняется типом воспитания, культивирующего послушание – как во многих семьях, – и тем, что ему не встретился в жизни человек, своей любовью и нежностью способный свести на нет последствия пережитой жестокости? Подобные тезисы вообще не поддаются проверке, как и предположения об извращенной сексуальности Гитлера. Поэтому добросовестный историк должен от них отмахнуться, тем более что существует множество доказательств, позволяющих утверждать: он был человеком с нормальной сексуальной ориентацией.

Юный Адольф до 1892 года жил в Браунау, затем перебрался в Пассау. Эти годы отмечены частыми и долгими отлучками отца, во время которых он, пользуясь свободой, наслаждался безмерной материнской заботой. Сводные брат и сестра – Алоис и Ангелика – уже ходили в школу, а младший брат, родившийся 24 марта 1894 года, оставался слишком маленьким, чтобы участвовать в его играх. Играл Адольф с соседскими мальчишками – в ковбоев и индейцев. Годы, проведенные в Пассау, оставили на личности мальчика глубокий след, в том числе сформировав у него особый диалект – полуавстрийский, полубаварский, на котором он потом изъяснялся всю жизнь и который составлял часть его харизмы. Впрочем, нельзя исключить, что в эту же пору он впервые осознал свою привязанность к Германии.

Внешне совершенно нормальное, даже счастливое, детство будущего фюрера ставит перед психоаналитиками сложную задачу. Как «нормальные» родители, явно лишенные деструктивных склонностей, могли породить подобное «чудовище»? Психосоциолог Эрих Фромм, автор знаменитых работ о немецком обществе, предлагает в качестве объяснения существование между матерью и сыном кровосмесительной связи, исключающей всякое эмоциональное тепло: «Индивидуум, связанный с матерью злокачественными кровосмесительными отношениями, остается самовлюбленным, холодным и не способным к общению человеком; мать притягивает его, как магнит притягивает железо; мать представляется ему океаном,

в котором он хотел бы утонуть, и землей, в которой он мечтает быть похороненным». Фромм диагностирует клинический случай некрофилии, превративший Гитлера в человека, испытывающего постоянное желание унижать, убивать, уничтожать, разрушать все, до чего он только может дотянуться. Он также отмечает дефицит порядочности, любви и… чувства реальности. Черты характера, вступающие в противоречие с этим диагнозом, получают объяснение либо в контексте вытеснения, либо как защитная реакция субъекта, не желающего сознавать собственные недостатки. Вот почему личность с ярко выраженными деструктивными наклонностями может внешне демонстрировать совсем другой «фасад» и казаться милой, любезной, горячо привязанной к семье, детям и друзьям. Такой человек охотно рассуждает о своих идеалах и добрых намерениях, но делает это только для того, чтобы обмануть себя и окружающих. Если он на словах враждебно относится к сексуальным извращениям, это служит симптомом вытеснения или самозащиты. В этой связи возникает резонный вопрос: а что сказали бы специалисты, если бы Гитлер откровенно высказывался в поддержку таких извращений?

Еще одна теория, также базирующаяся на изучении раннего детства Гитлера, принадлежит Рудольфу Биниону, который полагает, что бесплодие Клары на протяжении трех лет, последовавшее за смертью трех ее первых детей, было умышленным и позволило ей преодолеть травмированное чувство материнства. Более долгое, чем принято, кормление грудью Адольфа послужило своего рода компенсацией этих трех потерь, но и ребенок буквально «с молоком матери» впитал ее душевную рану. Поэтому вместо холодного и жестокого нарциссизма в нем развились совсем другие качества, и он стал боязливым, но преданным сыном, подчеркнуто заботливым к матери. По сравнению с предположениями Фромма эта гипотеза выглядит очевидно более убедительной.

Изложение здесь всех этих теорий позволяет нам не только показать их ограниченность, но и вычленить один важный факт: смерть Клары, бесспорно, глубоко потрясла юного Гитлера. По мнению Биниона, пережитый им кризис впоследствии дал о себе знать и оказал продолжительное воздействие на все его поведение.

Объяснение, предложенное еще одним психоаналитиком – Гельмом Штирлином, специалистом по проблемам трудных детей, также основано на существовании тесной связи Гитлера с матерью. Прежде чем приступить к своему исследованию, Штирлин в рукописи ознакомился с трудом Баниона. Он разрабатывает свою теорию в контексте детско-родительских отношений и выдвигает следующую идею: очень часто родители «делегируют» детям ту или иную миссию или задачу, которую те должны решить вместо них. Так, Гитлеру была поручена «невыполнимая миссия» – отомстить за мать, преследуя четыре цели: удовлетворить свою потребность в «запоздалом вознаграждении», параллельно подпитывая ее за счет близости и зависимости от матери; быть живым свидетельством ее ценности как матери; заполнить свою жизнь, как заполняют мебелью дом, ее подвигами, ее значением и ее властью; наконец, быть ее союзником и мстителем за нее, служа ей поддержкой в борьбе против бесчестного мужа-угнетателя. Внешний нарциссизм Гитлера, на который ссылается Фромм, в глазах Штирлина скорее является выражением его полного поглощения своей «невыполнимой миссией».

Штирлин также считает, что Гитлеру, в отличие от многих других людей, страдающих психозами, удалось вытеснить свой за счет его «синхронизации» с коллективным психозом. Он употребляет такие понятия, как чувство вины и чувство стыда, которые в принципе могли увлечь Адольфа в движение по бесконечной спирали: чтобы избавиться от чувства стыда, ему пришлось показывать свою постоянно растущую силу и храбрость, что в конце концов привело к отрицанию реальности.

Теория «делегирования» своей миссии потомкам не нова. Юнг в своей работе «Воспоминания, сны и идеи» развивает следующую мысль: не исключено, что наши умершие предки понуждают нас к выполнению ряда задач, которые им оказались не по плечу. За примерами далеко ходить не надо: каждый из нас встречал родителей, настойчиво навязывающих своим

детям профессию, которой они сами мечтали овладеть, но не смогли, либо вынуждающих их заниматься тем же делом, которым занимаются они сами. Эта модель вполне приложима к Алоису-отцу, который хотел, чтобы его сын стал, как и он, чиновником, и это его желание послужило главным источником конфликта между ними. Что касается теории, согласно которой мать поручает ребенку миссию отомстить за нее и перенесенный ею стыд, заставить оценить ее по достоинству и отблагодарить ее, то ее следовало бы применять в сочетании с «синхронизацией», то есть принимая во внимание психоз, охвативший немецкую нацию после 1918 года. В этом Штирлин сходится с Бинионом, и их общий тезис может послужить ключом к пониманию того, как Гитлеру удалось получить такую власть над мыслями и чаяниями большой части немцев.

Осталось прояснить последний пункт предыстории нашего персонажа и его возможное влияние на формирование личности Гитлера. Советский историк утверждает, что по результатам вскрытия обгоревшего тела Гитлера выяснилось, что у него не хватало одного яичка, и совершенно очевидно, что подобный физический недостаток не мог не иметь существенных психологических последствий. Прежде всего этим, наряду с другими приводившимися причинами, можно объяснить, почему Клара так холила и лелеяла сына. Затем он мог спровоцировать выраженный комплекс неполноценности, который в свою очередь оказал серьезное влияние на сексуальную жизнь и повышенную потребность доказать свою мужественность либо компенсировать свою «недоделанность» любыми проявлениями превосходства. Впрочем, свидетельство советского историка не нашло подтверждения ни со стороны личного врача фюрера Морреля, ни со стороны других специалистов, не обнаруживших в его гениталиях никаких аномалий.

Таким образом, мы снова оказываемся на зыбкой почве сомнений, как и в случае с дедом – то ли кровосмесителем, то ли евреем. Но, даже допуская, что эти предположения не соответствуют действительности, необходимо еще выяснить, когда они стали известны самому Гитлеру, а в случае с вопросом о еврейском происхождении – начиная с какого момента у него возникли первые подозрения на этот счет. Маловероятно, что это произошло в раннем детстве.

Что мы можем утверждать об этом периоде жизни Гитлера? Что он испытывал глубочайшую привязанность к матери, производившей на него чарующее воздействие, в первую очередь своим взглядом. Позже он признавался, что будто вновь увидел ее глаза на портрете Медузы кисти Франца фон Штука. Хорошо известно, что он быстро научился пользоваться обольстительной, если не гипнотической силой своих собственных глаз…

Школьные годы

В 1895 году семья находилась в Линце, после чего перебралась в Гафельд, близ Ламбаха-на-Трауне, где Алоис купил дом с садом площадью около четырех гектаров. Дом в Вертхарте был продан в октябре 1892 года, когда семья еще жила в Пассау. Весна и лето 1895 года знаменовали важную веху в жизни юного Адольфа: 1 мая он поступил в начальную школу Фишльхама, неподалеку от Ламбаха, а 25 июня того же года его отец по причине пошатнувшегося здоровья прежде времени вышел на пенсию после сорока лет службы. Поле свободы, которым пользовался Адольф, резко сузилось: к школьным обязанностям добавилось постоянное присутствие в доме отца. Поначалу все вроде бы шло хорошо. По результатам первого года учебы мальчик получил отличные оценки и был переведен в старший класс приходской школы Ламбаха, располагавшейся в бывшем бенедиктинском монастыре. В церкви, на ограде, отделяющей певчих, красовалась стилизованная свастика, которую Адольф, певший в церковном хоре, наверняка заметил и которую потом видел еще не раз. В книге «Моя борьба» он рассказывает, что торжественность церковной службы произвела на него огромное впечатление и одно время он даже лелеял мечту стать священником – таким же, как кюре Ламбаха. Эта

мысль занимала его не долго, однако могущество католической церкви и ее блеск в Баварии успели поразить воображение Адольфа, пока он жил в Пассау. Тысячелетняя история обширной коммуны и пышность праздников навеки врезались в его память и послужили источником вдохновения для организации многих национал-социалистических демонстраций. Кроме того, во многих его речах встречаются ссылки на Библию и целые пассажи, выдержанные в библейской стилистике и написанные библейским языком. Мы не располагаем подробными сведениями о том, какую роль сыграла его мать, а какую – Церковь в вероятном влиянии на него христианства. Нам известно лишь, что Клара отличалась набожностью – в отличие от мужа, который появлялся в церкви только в дни обязательных праздников. Алоис уважал Церковь так же, как уважал императорский дом, и оба эти института представляли для него власть – соответственно, духовную и светскую. А вот с кюре Алоис Гитлер враждовал – из-за того, что поддерживал свободную школу.

Однажды маленький Адольф нашел в отцовской библиотеке книгу о франко-прусской войне 1870–1871 годов, и его интерес обратился к военным играм. «Эта героическая борьба стала событием, которое проникло глубоко мне в душу», – писал Гитлер, повторяя знаменитую формулировку Эрнста Юнгера. Все, что имело хоть малейшее отношение к войне или к армии, приводило его в восторг. Примерно в эту же пору он впервые задумался над тем фактом, что существует два вида немцев: те, которые участвовали в этой войне, и все остальные, к числу которых принадлежал и его отец. На вопросы, которые он задавал, отцу, вполне возможно, отвечали, что, дескать, не всем немцам повезло родиться гражданами рейха при Бисмарке. Представляется вероятным, что все эти размышления по поводу франко-прусской войны пришли Адольфу в голову несколько позже, когда в 1906 году в Линце праздновали 40-ю годовщину битвы при Седане; тогда высказывались сожаления по поводу того, что Австрия свернула с прямого пути, начертанного в XVIII веке известным германофилом императором Иосифом II. Франко-прусская война рассматривалась как «возрождение» Священной Римской империи германской нации – вечного рейха немцев. Для Гитлера и многих немецких офицеров она стала образцом «молниеносной войны» и первым шагом к реализации мечты о новом Великом рейхе.

Позже Гитлер отмечал, что в те годы с ним произошли две решающие перемены: он стал националистом и научился понимать «смысл Истории». Как немец, живущий в многонациональном государстве, он, по его словам, постиг разницу между династическим «патриотизмом» и «национализмом» образца *volkisch* [5]. Он очень рано начал сознавать себя борцом за дело национализма, резко выделяющимся на фоне «тепленьких» и предателей. Понять его можно, подчеркивает Гитлер, только изучив внутреннее функционирование монархии Габсбургов, судьба которого была тесно связана с судьбой всех немцев и германизма как такового. «Учиться» истории для него означало заниматься поиском сил, которые, будучи причинами, вызывают определенные последствия, воспринимаемые нами как исторические события. Искусство читать историю и учиться у нее заключается в том, чтобы запоминать самое главное.

Высказывания Гитлера, подобные этим, открывают в нем черту, поражавшую многих из его собеседников, а именно способность к выборочному восприятию только тех вещей, которые его интересовали. Все, что выходило за круг его когнитивного поля, подвергалось деформации или просто отметалось. Такой регуляторный механизм позволял игнорировать или минимизировать значение неприятных фактов. Таким образом, приходится констатировать, что у Гитлера очень рано появляется разрыв между «объективной» и «субъективной» реальностью.

---

[5] Непереводимое немецкое прилагательное, которое может означать и «национальный», и «расовый», и «народный», и т. д. Этим же словом называют любое народное (от *нем.* Volk) сообщество.

По причине такого ограничительного отбора Гитлер усваивал только то, что служило укреплению его убеждений. Навязчивый, маниакальный характер его фундаментальных идей уходит корнями в этот способ мировосприятия. Следовательно, у него очень рано появляются стереотипные представления и предрассудки, которые по мере того, как он осознавал себя и свое окружение, только крепли. Его видение мира, та призма, через которую он рассматривал людей и события, со школьных лет получила определенное развитие. Но своей «когнитивной картой», как это принято называть в политологии, он во многом обязан школьным урокам истории. В частности, Гитлер упоминает своего преподавателя в *Realschule* (технической школе) Линца, доктора Леопольда Пётша, портрет которого он набрасывает с большой теплотой. Этот человек, кроме того, оказался в числе тех немногих, с кем Гитлер позже продолжал вести переписку. Метод Пётша заключался в следующем: он брал факт современности и рассматривал его в свете истории, демонстрируя таким образом, как прошлое влияет на настоящее. Один из циклов его лекций посвящался нибелунгам, отметившим своим присутствием этот австрийский регион. Гитлер часто ссылался на него и позже, во время путча 1923 года и во время военной кампании в Советском Союзе. Он ставил Пётшу в заслугу не только то, что тот заставил его полюбить историю, но, что он (невольно) уже в ту пору сделал его революционером. Это утверждение, бесспорно, грешит преувеличением. Адольф Гитлер, как и многие дети, время от времени проявлял строптивость характера. Ребенком он дрался с другими мальчишками, играя в ковбоев и бурскую войну (последняя его особенно привлекала), и часто брал на себя роль вожака. При этом уже тогда он предпочитал действовать убеждением, насколько возможно избегая прямых столкновений. Один из его соучеников описал Гитлер впоследствии как «спокойного фанатика», любившего выжидать, пока ситуация не «созреет», то есть не примет благоприятный для него оборот. Типичным в этом отношении представляется конфликт, который вспыхнул между Адольфом и его отцом по поводу его будущего. Алоис хотел, чтобы сын последовал его примеру и стал чиновником. Это желание стало особенно настоятельным после того, как сводный брат Адольфа Алоис-младший в возрасте 14 лет вдрызг разругался с отцом и покинул дом, а младший брат Эдмунд умер в 1900 году. Адольф остался единственным отпрыском мужского пола в семье (в 1896 году у него родилась сестра Паула), следовательно, должен был пойти по стопам Алоиса, проявив ту же благодарность и оказав ему такую же честь, какую и сам оказал в свое время «дяде» Иоганну Непомуку.

Семья Гитлеров, пробыв в Ламбахе недолгое время, с 1898 года жила в Леондинге, близ Линца. Свою ферму в Гафельде Алоис продал в 1897 году. Расположенный неподалеку от кладбища дом в Леондинге на протяжении многих лет считался отчим домом фюрера и после аншлюса превратился в место паломничества. От Линца город отделяло пять-шесть километров, и Гитлер ходил в лицей пешком или добирался туда на поезде. В отличие от успешной учебы в Фишлхаме, Ламбахе и Леондинге, в Линце он отнюдь не блистал, получая хорошие оценки только по истории, географии и рисованию. В последнем классе ему пришлось остаться на второй год. В «Моей борьбе» он объясняет этот спад тем, что намеренно противостоял воле отца, мечтавшего сделать из него чиновника, тогда как он сам уже в двенадцать лет твердо решил, что станет художником – с точки зрения Алоиса, идея абсолютно нелепая. Адольф полагал, что отец, убедившись в том, что учеба у сына идет из рук вон плохо, уступит ему. Следует добавить, что причина низкой успеваемости Гитлера, особенно по таким предметам, как математика и естественные науки, наверняка крылась еще и в том, что он в принципе учил только то, что его действительно интересовало. Сыграло свою роль и растущее недовольство тем, что его заставляют заниматься дисциплинами, требующими постоянных и систематических усилий. В конце концов, и профессию чиновника Адольф возненавидел в первую очередь из-за того, что она сопряжена с жестким графиком и подчинением определенным правилам. Мысль о том, что придется провести долгие годы за столом в конторе, приводила Гитлера в ужас. И напротив, жизненный уклад художника виделся ему в самых радужных тонах. Анти-

патия к чиновничеству и работе по расписанию сохранилась у Гитлера на протяжении всей жизни и оказала серьезное воздействие на манеру руководить. Есть еще одна гипотеза, объясняющая его плохие оценки и мечту о карьере художника. Сын мелкого чиновника, переехавший из деревни, в Линце Гитлер в окружении отпрысков зажиточных коммерсантов и сыновей высокопоставленных деятелей мог ощущать себя бедным родственником. А вот у художников совершенно особенный статус, позволяющий им находиться вне социальных барьеров.

Однако вернемся к конфликту Гитлера с Алоисом. Отцовской воле он попытался противопоставить не прямое неповиновение, а скорее нечто вроде пассивного сопротивления – не зря Конрад Гайден определяет его как «скрытного ребенка». И здесь, как часто случалось в жизни Адольфа Гитлера, ему на помощь пришли внешние обстоятельства. 3 января 1902 года его отец внезапно умер – от сердечного или апоплексического приступа. Несмотря на их разногласия, Адольф, видимо, испытал горе – на похоронах он плакал. И, хотя конфликт с отцом пришел к завершению, никакого улучшения в школьной успеваемости не последовало. Главным препятствием к переводу в следующий класс стал для него французский язык; Адольф сдал по нему дополнительный экзамен и получил необходимую оценку только при условии, что сменит школу. Мать устроила его в Штейр. Дом в Леондинге она продала и переехала в Линц. Заботу о сыне она поручила семейству Сичини, проживавшему в доме номер 19 на площади Грунмаркт – в дальнейшем переименованной в площадь Адольфа Гитлера. Вряд ли это была его счастливая пора – оторванный от приятелей по Леондингу и Линцу, Адольф лишился и материнской опеки. В это же время он в первый и в последний раз в своей жизни по-настоящему напился. Вместе с одноклассниками он отмечал в окрестностях Штейра окончание семестра. На обратном пути, застигнутый естественной надобностью, он, не найдя ничего более подходящего, использовал с целью, о которой нетрудно догадаться, свой школьный табель. Ему не повезло – на следующий день вещественная улика каким-то образом попала в школу, и Гитлеру пришлось выдержать унизительную процедуру выволочки в присутствии наставника. Он сам утверждает, что после этого инцидента навсегда отказался от спиртного, – на самом деле его воздержание от алкогольных напитков никогда не было тотальным. Но сам поступок, послуживший причиной выговора – использование школьного табеля в качестве клочка туалетной бумаги, – прекрасно передает то презрение, какое он испытывал к школе, успев заслужить репутацию дерзкого и плохо успевающего ученика. Адольф и внешне часто выглядел подавленным и пребывал в дурном настроении. Следующий этап обучения, то есть переход в *Oberrealschule* (высшую техническую школу), по окончании которой его ждал аттестат зрелости, потребовал бы серьезных усилий, и, судя по всему, подобная перспектива его не прельщала. Немного подбодрили его каникулы, проведенные в Шпитале, у родственников со стороны матери, с которыми та продолжала поддерживать тесную связь.

К этому же времени относятся первые упоминания о постигшем его заболевании, по поводу которого высказывалось множество самых противоречивых суждений: действительно ли он заболел или просто симулировал болезнь, чтобы бросить учебу? С уверенностью можно утверждать одно: вопреки тому, что Гитлер рассказывает в «Моей борьбе», ни о каком серьезном легочном заболевании речи не шло. Семейный врач доктор Блох не оставил в его медицинской карте никаких указаний на это, отметив лишь нарушение деятельности миндалин, приступы кашля и простуды. Его свидетельство категорично: в этот период Гитлер не страдал ни одним серьезным заболеванием. Не исключено, впрочем, что его мать сильно обеспокоилась. Все-таки обе первые жены Алоиса скончались из-за болезни легких, и вообще в тех краях и в те времена был довольно широко распространен туберкулез. К тому же Адольф отличался скорее хрупким здоровьем, да и внешне – бледный, худощавый – выглядел отнюдь не здоровяком. Переохлаждение, насморк или летний грипп, значение которых он с присущим ему актерским талантом (он еще разовьется впоследствии) намеренно преувеличил, сделали свое дело. Тем не менее на каникулах в Шпитале он быстро поправился. Пил молоко, помногу гулял,

рисовал, играл на цитре – и старательно избегал контактов с теткой, прочими родственниками и местной молодежью. По возвращении в Штейр он сдал переэкзаменовку и получил свидетельство об окончании школы с весьма посредственными оценками: поведение и прилежание – удовлетворительно; Закон Божий – удовлетворительно; немецкий язык – удовлетворительно; французский язык – удовлетворительно, физика и химия – удовлетворительно; черчение, геометрия и начертательная геометрия – удовлетворительно (после переэкзаменовки); рисование – отлично; физкультура – отлично; пение – удовлетворительно; ведение тетрадей – неудовлетворительно. По мнению многих из бывших учителей Гитлера, он мог бы иметь гораздо более высокие оценки, потому что был способным учеником, легко запоминал материал, но не любил напрягаться. Покинув школу, он отдался во власть *dolce far niente* [6] и мечтательности. Поселившись в маленькой квартирке на Гумбольдтштрассе, в центре Линца, он катался как сыр в масле, окруженный заботливым вниманием матери и сестры Паулы (Ангелика к этому времени успела выйти замуж за банковского клерка Лео Раубаля, которого Гитлер ненавидел всем сердцем). Пенсия Клары и некоторые другие источники обеспечивали им вполне сносный уровень жизни. Отныне юноша стал тщательно следить за своей внешностью. Одетый как денди, он любил прогуливаться с тросточкой, захаживать в кафе, бывать в театре и в опере. На протяжении нескольких месяцев он даже брал уроки фортепиано. Но большую часть времени Адольф посвящал живописи, рисунку и – в особенности – архитектурным наброскам. В его альбоме сохранились эскизы построек, которыми он мечтал украсить Линц – величественные виллы, музеи, театр, мост через Дунай. Одно здание из этого альбома действительно было возведено тридцать пят лет спустя. Не исключено, что он черпал вдохновение в сочинении знаменитого архитектора той эпохи Камильо Ситте, которое называлось *Der Städtebau* («Градостроительство») и наверняка имелось в местной публичной библиотеке. К этой поре относится начало формирования у него выраженного вкуса к монументалистике, которому предстояло усилиться и окрепнуть за время пребывания в Вене.

Примерно два года молодой человек прожил в особенном мире, на грани реальности и мечты. Он строил грандиозные планы, в компании с неким Августом Кубицеком, фамильярно именуемым просто Густлем, слушал Вагнера. Сын декоратора, Кубицек тоже считал себя артистической натурой и намеревался стать великим музыкантом. Вот лишь один из примеров того, куда фантазия уносила молодого Гитлера. Купив однажды обыкновенный лотерейный билет, он набросал перед приятелем картину блестящей светской жизни, какой они заживут в прекрасной квартире на набережной Дуная, под присмотром изысканной экономки с седеющими висками, принимая у себя самых известных артистов. Когда выяснилось, что никакого выигрыша на билет не выпало, Адольф впал в приступ дикой ярости, обвиняя в своем невезении все общество в целом. Эта черта характера – страсть выдувать мыльные пузыри, а потом, когда они лопнут, ополчаться на весь свет – сохранится у него навсегда и не раз проявится впоследствии. Он легко поддавался самообману – что само по себе не так уж и страшно, – но умел представлять свои утопии с таким пылом и такой силой убеждения, что заражал своей верой собеседников, а позже и огромные массы людей. Если мечты не сбывались, он всегда обвинял в этом кого-то другого. Кубицек, совершенно покоренный богатым воображением приятеля, приводит в своих «Воспоминаниях» такую показательную историю. Побывав на представлении оперы Вагнера «Риенци», Гитлер впал в нечто вроде транса. Он потащил Густля за собой, заставил взобраться на один из холмов Линца и здесь, хрипя от возбуждения, поведал ему, что только что осознал свою миссию – вести свой народ к свободе. Тридцать лет спустя он признавался Кубицеку, что «все началось именно в тот момент». Нельзя исключить, что в тот вечер Гитлер действительно пережил своеобразное откровение, благодаря которому интуитивно осознал свое «призвание».

---

[6] Блаженное ничегонеделание *(итал.)*.

В воспоминаниях Кубицека рассказывается также о романтическом увлечении молодого Гитлера некоей барышней из хорошего общества Линца, которую он обожал издалека и к которой не смел приблизиться. Вроде бы он даже сочинял в ее честь многочисленные стихи, в которых она представала белокурой владелицей замка, одетой в синее бархатное платье и объезжавшей на белом коне цветущие луга. Такая любовь, вызывающая в памяти мысли о Данте и Беатриче (девушку звали Стефания), для молодого человека его возраста и социального положения представляется, в общем-то, вполне банальной. Попытки увидеть в ней стремление спрятаться от реального мира в мире воображаемом, на наш взгляд, малоубедительны. Разве не логичнее предположить, что подобное обожание издалека свидетельствовало скорее о неуверенности в себе, которую испытывал юноша, не представляя, какая судьба его ждет, а то и просто о робости?

Некоторые специалисты пытались объяснить патологические черты характера фюрера жестоким давлением со стороны отца и авторитарным укладом семьи, в которой он вырос. Но с не меньшим основанием можно возразить, что ключевые годы, на протяжении которых происходит самоутверждение личности молодого человека, прошли как раз в отсутствие отца. Подросток оказался лишен твердой руки, которая могла бы указать ему нужное направление и помочь найти верный путь между мечтой и реальностью. Ведь Клара не принадлежала к числу женщин, способных руководить и научить сына держать свою буйную фантазию в русле социально приемлемых условий.

Яркой иллюстрацией этой неопределенности, этого вакуума, в котором шло становление молодого Гитлера, может служить его поездка в Вену, которую мать устроила ему в мае 1906 года и которая обошлась ей недешево (приблизительно в 100 крон). В австрийской метрополии Адольф занимался тем же самым, что делал в Линце: ходил слушать Вагнера, восхищался архитектурой Оперного театра, музея, здания парламента, домами на Рингштрассе и полагал, что попал в сказку «Тысячи и одной ночи». Тем не менее в немногих открытках, отправленных Куцибеку, он писал, что ему не терпится назад. Оглушенный внешним блеском Рингштрассе – этой *via triumphalis* [7], а также других величественных красот, в 1898 году заставивших великого архитектора Адольфа Лооса назвать Вену «большой потемкинской деревней», Гитлер действительно стремился скорее вернуться в уютный маленький Линц. Некоторые учителя из *Realschule* уже отмечали в нем задержку во взрослении. Смерть отца, недостаточная твердость со стороны матери, отсутствие духовного наставника – все это оказало свое влияние на то, что подросток все больше замыкался в себе. Никто не помог ему интегрироваться в общество, а сам он оказался к этому не способен. Вопреки его упорным утверждениям, Адольф Гитлер был в ту пору слабым человеком. Прежде он отступил перед волей отца; теперь спрятался в мир мечтаний, большей частью навеянных творчеством Вагнера, которое ввергало его в «настоящее истерическое возбуждение».

Гипотеза о духовном родстве великого композитора и Гитлера издавна служит предметом споров. Никому не придет в голову подвергать сомнению, что вагнеровская музыка и его некоторые персонажи всегда влекли к себе Гитлера, оказывая на него чарующее, если не галлюциногенное воздействие, что отмечено такими исследователями, как Кубицек и Раушнинг. Однако можно ли сказать то же самое об идеях и убеждениях композитора? Как метко заметил американский историк, о якобы имевшем место сходстве их образа мыслей и даже некоторых черт характера говорят в основном авторы, лишь весьма поверхностно знакомые с письменным наследием музыканта. И, хотя критика нацелена в основном на американских коллег, мы смело можем добавить к их числу и европейских исследователей. Признавая, что точно определить влияние одного человека на другого всегда нелегко, все-таки можно выделить в этой связи три основных элемента. Во-первых, речь идет о тех волнах энтузиазма («вагнеризме»),

[7] Дорога славы *(лат.)*.

которые начиная со второй половины XIX века затронули целые поколения, и Гитлер входил в число этих фанатиков. Причиной их возникновения стала не столько ностальгия по германской истории (целый ряд опер Вагнера посвящен прошлому других народов), сколько желание вырваться из тисков рационализма и позитивизма, найти себе прибежище в фантастическом мире и забыть о скудости и убожестве повседневной жизни. Еще одно объяснение кроется в эклектичной манере Гитлера воспринимать творчество Вагнера. Что бы он ни читал, из всего прочитанного он усваивал только те мысли и впечатления, которые находили отклик в его собственных представлениях, начисто игнорируя все остальное. Таким образом он конструировал собственный воображаемый мир, совсем не обязательно соответствующий тому миру, из которого он почерпнул некоторые черты, – при этом он искренне верил, что единственный сумел правильно понять маэстро. Последнее замечание касается того, что культ Вагнера действительно укрепился только под влиянием Козимы и, позже, Винифред Вагнер; здесь же следует отметить, что антисемитские идеи Вагнера получили развитие благодаря его зятю Хьюстону Стюарту Чемберлену. В годы учебы в Линце, Вене и Мюнхене Гитлер в основном видел в Вагнере источник вдохновения, побуждавший его избрать карьеру художника, преклоняющегося перед героизмом. Впоследствии влияние человека, которого он считал своим «предшественником» и называл величайшим «пророком» немецкого народа, человека, с которым он ощущал глубокую внутреннюю связь, усилилось. Отдельные аналогии между ним и героем «Риенци» – оперы Вагнера, произведшей на него огромное впечатление, – выглядят поразительными. Как и римский трибун, он вел происхождение из низших слоев общества. Как и у героя оперы, его отношение к правящим кругам отличалось двойственностью и колебалось между склонностью к бунту и консерватизмом. И тот и другой вознеслись благодаря ораторскому таланту и умению говорить с народом. Добавим к этому харизму вождя-одиночки, избравшего своей невестой: первый – Римскую империю, второй – Германию. В опере народу отводится роль античного хора. Когда договор Риенци с частью властной верхушки оказался нарушен, а сила его риторики выдохлась, он проклял Рим и сгинул. Позже Гитлер, хорошо запомнив об «откровении», пережитом в Линце, и совершенно забыв о зловещих предзнаменованиях, открывал все заседания съездов своей партии в Нюрнберге увертюрой из этой оперы. Только под впечатлением от недавней войны и после ознакомления с эссе Вагнера он начал воспринимать политику как вид искусства, а в художнике видеть спасителя, который приходит на помощь, когда политики оказываются бессильны.

Тезис о «Гитлере-Вагнере», проходящий красной нитью через всю биографию Хайдена, взятую на вооружение Томасом Манном и Гансом Коном, а также нашедший отражение во вдохновенном пассаже Иоахима Феста, требует дополнительной нюансировки. Приведем лишь несколько строк из последнего: «Не так часто случается, чтобы произведение искусства осталось настолько превратно понятым. Судя по всему, отдельные ученые, пылая справедливым негодованием против Гитлера и всего, что он представлял, перенесли свою ненависть на каждого из тех, кто пользовался его уважением, на каждое произведение искусства, которым он восхищался».

Зимой 1906 года в воображаемый мир молодого Гитлера вмешалась суровая реальность. Его мать тяжело заболела. 17 января 1907 года ей сделали операцию по поводу рака груди. В ее состоянии наступило некоторое улучшение, однако к весне ей вновь стало хуже. В мае или июне семейство сменило квартиру и перебралось в окрестности Линца, в Урфар. Клара не поднималась с постели, и домашним хозяйством занималась ее сестра Иоанна – дочери Пауле тогда едва исполнилось одиннадцать лет. Восемнадцатилетний Адольф продолжал жить «растительной жизнью» до осени, когда отправился в Вену сдавать вступительный экзамен в Академию изящных искусств, – о том, повлияло ли состояние здоровья его матери на это решение, нам ничего не известно. В финансовом отношении у него все обстояло благополучно, так как мать передала ему долю наследства, составлявшую 650 крон.

Адольф снял комнату неподалеку от Западного вокзала, на улице Штумпергассе, в доме номер 29, у хозяйки-польки по имени фрау Цакрейс. Сразу по приезде он бросился в академию, знаменитую строгостью при отборе будущих студентов. В тот год документы на поступление подали 112 кандидатов. Экзамен длился два дня, в течение которых им предстояло выполнить две работы по композиции (из четырех предложенных тем), потратив на каждую три часа. Нам не известно ни какие темы выбрал Гитлер, ни кто были его экзаменаторы, но в число 37 человек, выдержавших это испытание, он попал. Поскольку далее требовалось представить еще ряд доказательств своего таланта, он показал несколько своих рисунков, выполненных в Линце и Урфаре. Среди них почти не было портретов, и, по всей видимости, это и стало главной причиной отказа в приеме. Вместе с ним за бортом оказался еще 51 кандидат, в том числе человек, впоследствии занявший пост ректора этой самой академии. Адольф Гитлер чувствовал себя полностью уничтоженным – его начали одолевать сомнения в себе и своем даровании. Ректор, к которому он обратился за объяснениями, сказал, что его рисунки выдают способности автора скорее к архитектуре, нежели к живописи, однако просьба о зачислении на отделение архитектуры не увенчалась успехом, потому что у молодого человека не оказалось аттестата зрелости. Приходилось расплачиваться за отсутствие старания и усердия в *Realschule.* Несколько недель Адольф, совершенно потерянный, бродил по Вене, а в ноябре вернулся домой, ухаживать за матерью, уже отмеченной знаком скорой кончины. Он занимался домашними делами, готовил еду и проверял уроки у младшей сестры Паулы. Клара, после мучительного лечения йодоформом, 21 декабря умерла. 23-го ее похоронили. Для Адольфа это был жестокий удар – семейный доктор позже утверждал, что за сорок лет практики ни разу не видел, чтобы молодой человек так остро переживал свое горе. После венского провала эта утрата давила на него двойной тяжестью. С той поры он возненавидел снег и нередко встречал Рождество в одиночестве.

Некоторые психоаналитики фрейдистского толка полагают, что причиной его патологического антисемитизма стала именно смерть матери: ненавидимого отца заменил врач-еврей, ожививший в нем эдипов комплекс. Этот врач делает то, что делал отец: заходит в комнату матери, раздевает ее, касается ее груди. Его грубость находит проявление в удалении одной груди (хотя операцию делал вовсе не Блох) и регулярном отравлении крови посредством ежедневных уколов. И, даже если Гитлер многократно доказал свою благодарность доктору Блоху, подсознательно он вполне мог видеть в нем человека, который затаил злобу на его горячо любимую мать и убил ее. Сплав ненависти к отцу с ненавистью к еврею приобрел навязчивую форму еще и потому, что к нему примешивалось подозрение в еврейском происхождении деда. Однако изучение роли Блоха и предписанного им лечения ничем не подтверждает эту гипотезу. Причины невроза Гитлера следует искать в другом месте.

Австрийский контекст

«Пора поговорить об австрийских и римско-католических чертах в личности Гитлера», – писал в 1968 году австрийский историк Фридрих Геер. Но не он один отметил эту лакуну. Обстановка в Австро-Венгрии привлекла внимание и других исследователей, в частности изучавших условия возникновения «дофашистских» и национал-социалистических движений. Нам остается лишь продолжить этот анализ и провести различие между австрийским и немецким наследством.

Если мы припомним политический климат, царивший в этой части Европы в конце XIX – начале XX века, то нас не может не поразить, насколько Адольф Гитлер был продуктом тогдашней культуры, которую он «впитал как губка». Всё в нем – поведение, стиль жизни, вкусы – несло на себе отпечаток этой культуры, не зря впоследствии его прозвали «богемским капралом». Основы его *Weltanschauung* (мировоззрения), сформировавшиеся на австрийской почве, затем получили немецкую «прививку». Сам Гитлер описывал тогдашнюю Австро-

Венгрию как марионеточное государство, управляемое Габсбургами, не способными защитить немецкое население от «яда» метисации с представителями других национальностей. Убийство Франца Фердинанда в Сараеве в 1914 году в «Майн Кампф» представлено судьбоносным актом, уничтожившим человека, якобы стремившегося к «славянизации» Австрии. Единственным из Габсбургов, кто в глазах Гитлера заслуживал снисхождения, оставался император Иосиф II, и в этой оценке он смыкался с немецкими либералами и националистами времен своего детства. Гитлер почти ничего не сообщает о своих детских впечатлениях о родной стране. Отмечает лишь, что его отец якобы был «космополитом», то есть либералом, осуждавшим антисемитизм. Лишь после приезда в Вену он, по его словам, начал разбираться в социальных проблемах и в еврейском вопросе. Неужели за все годы, проведенные в Штейре и Линце, из всей культурной среды он заметил и усвоил только то, что относилось к национальному вопросу?

Краткий обзор основных черт Австро-Венгерской империи конца XIX века позволит нам лучше понять оценки Гитлера, сделанные им на основе собственного опыта.

В начале 1889 года – года рождения Гитлера – народ всколыхнула весть о самоубийстве в Майерлинге наследника трона эрцгерцога Родольфа. Это трагическое событие, вроде бы вызванное чисто личными причинами, стало отражением не только физического и нравственного краха самого Родольфа, но и его разногласий с двором по поводу судьбы империи, ее альянсов и подъема национализма. Действительно, в Австро-Венгрии проживало девять основных народностей: 9,1 миллиона австрийцев, говоривших по-немецки; 6,7 миллиона чехов; 5,1 миллиона венгров; 3 миллиона русинов; 2,9 миллиона румын; 2,3 миллиона поляков; 1,5 миллиона сербов; 1,4 миллиона хорватов; 1,3 миллиона словен и 0,6 миллиона итальянцев. В этой связи можно вспомнить Роберта Музиля и его знаменитого «Человека без свойств»: слово «Какания», пишет он, происходит от двух начальных букв *k.k. (kaiserlich* und *königlich)* титула (так, Франц Иосиф был императором Австрии и королем Венгрии). Национальные разногласия «достигали такой силы, что государственная машина из-за них останавливалась по нескольку раз в год, однако в промежутках между этими остановками и простоями каждый выпутывался как мог, и все делали вид, что ничего не происходит».

Судьба представителей разных национальностей складывалась по-разному в зависимости от того, где эти люди проживали – в австрийской или венгерской части страны. В первой к национальным меньшинствам относились вполне корректно. В центральных органах власти и в армии использовался немецкий язык, но местные и региональные администрации употребляли: в Богемии – чешский, в Галиции – польский, в Триесте – итальянский язык. В начальной и средней школе разрешалось вести преподавание на языках меньшинств. Либеральная культурная политика воспринималась немецкоязычными австрийцами как угроза национальной идентичности. Напротив, в Венгрии применялась насильственная «мадьяризация». Наряду с народами, признаваемыми в качестве таковых, в стране проживало национальное меньшинство, которому официальная история монархии, изданная в 1883 году, отказывала в признании: «Евреи не образуют нацию, потому что их не объединяет ни одна из связей, обычно существующих внутри национального сообщества». Евреи составляли тогда 10 процентов населения Вены, но лишь 1,5 процента населения всей империи. В 1910 году их насчитывалось около 100 тысяч человек, которые большей частью были сосредоточены в столице, причем около половины проживало в квартале Леопольдштадт – между центром и Пратером, где их доля составляла 34 процента. Кроме того, еврейская буржуазия играла решающую роль в сфере финансов и в журналистике. Контроль крупнейших банков над прессой «сочетался с логикой развития карьеры отдельных журналистов». Газета *«Neue Freie Presse»,* руководимая Баккером и Бенедиктом, стала рупором либерализма. Еще одним органом либеральной мысли стала *«Fremdenblatt»,* которой заправлял барон Густав Гейне – получивший дворянство еврей, брат Генриха Гейне.

Доминирующее положение в ключевых для государства областях (финансы и информация) в сочетании с социальными амбициями получившей дворянство буржуазии, то есть полнейшее осуществление мечты об ассимиляции, превратило старое венское еврейство в наиболее лояльную фракцию либералов, присягнувших на верность Габсбургам. «Начиная с этого времени из всех групп, составляющих монархию, самую горячую поддержку идее многонационального государства – идеального *Staatvolk* – оказывали евреи».

В 1889 году британский писатель и философ Хьюстон Сюарт Чемберлен, зять Рихарда Вагнера, переехал жить в Вену. Его самое знаменитое сочинение – «Основы XIX века», десятикратно переиздававшееся до Первой мировой войны, впервые было опубликовано в 1899 году. Приводимые ниже несколько строк дают ясное представление о его излюбленных темах: расизме, особенно в форме антисемитизма, национализме самого шовинистического толка и прославлении германизма: «Понятие единства и чистоты расы – это ядро иудаизма, освящает признание физиологии как основополагающего жизненного факта: повсюду, где мы можем наблюдать жизнь, от плесени до чистой расы, мы замечаем важное значение “расы”, и евреи возвели этот закон природы в ранг святой истины. […] Германский человек есть душа нашей культуры. Современная Европа, раскинувшая свои ветви по всему земному шару, представляет собой пестрое смешение самых разнородных элементов; то, что объединяет нас между собой и делает нас органичным целым, – это германская кровь. Если мы посмотрим вокруг, мы заметим, что значимость и жизненную силу нации определяет доля германской крови в ее населении». Отсюда нетрудно понять, почему этот труд стал библией пангерманистов, расцвет которых, как и расцвет антисемитизма, был тесно связан с экономическим кризисом (знаменитым биржевым крахом 1873 года) и политическим кризисом либерализма.

Третьим важным событием 1889 года стал выход в Вене первого номера журнала Карла Крауса *«Die Fackel»,* который против всякого ожидания поначалу был встречен с восторгом, быстро, впрочем, сменившимся полным молчанием со стороны породившего его движения *Jung-Vien* («Молодая Вена») и его друзей – Гуго фон Гофмансталя, Артура Шнитцлера, Рихарда Беер-Гофмана, Леопольда фон Андриана и Германа Бара. Само существование этой группы служило знаком широкого культурного обновления, пользовавшегося поддержкой двора. Густав Малер, в 1895 году назначенный директором Оперы, и Макс Буркхардт, руководивший придворным театром, с юности дружили со Шнитцлером и Баром, который слыл главным венским критиком. Представителей «Молодой Вены» охотно принимали в обоих театрах, а в 1906 году Гофмансталь совместно с Рихардом Штраусом поставил в Опере свой дебютный спектакль «Электра». Рассказывая об этих кругах, в которых вращались люди искусства, необходимо также упомянуть Густава Климта, в 1897 году порвавшего с академией и основавшего движение «Венский Сецессион», к которому присоединился Альфред Роллер. По приглашению Малера Климт участвовал в создании декораций для оперного театра.

Подобная «концентрация художественной мощи» являла собой одну из сторон – весьма наглядную – попытки общественной верхушки и лично Франца Иосифа способствовать возрождению империи путем проведения активной культурной политики. Предполагалось, что космополитичное творчество противопоставит узколобым националистам подлинно австрийское искусство. Однако внутри этого «широкого культурного поля» власть оставалась сконцентрированной в руках горстки художников и чиновников, тесно связанных между собой. Кое-кто рассматривает этот феномен как «простую коммерциализацию искусства, ставящую под сомнение как его чистоту, так и его серьезность». Против попытки спасти империю и очарование прошлого выступил Карл Краус, а также поэт Георг Тракль, архитектор Адольф Лоос, композитор Арнольд Шенберг, художник Оскар Кокошка и другие деятели.

Вена конца века была отмечена не только противостоянием различных художественных или литературных школ. Стилевые конфликты затронули и область архитектуры. В 1889 году вышло в свет сочинение Камилло Зитте *«Der Städtebau».* Как мы уже говорили, представля-

ется маловероятным, чтобы Гитлер его не читал, – учитывая восхищение, которое он испытывал к постройкам на Рингштрассе и торжествующему «монументализму» официозной архитектуры. Зитте придерживался исторического стиля; он считал вполне оправданным прибегать к имитации греко-романских и даже готических архитектурных приемов, если это соответствовало назначению здания. Вопросы эстетики занимали его гораздо больше, чем технические проблемы или функциональность сооружения; кроме того, он уделял огромное внимание организации окружающего здание пространства, напоминая о важном значении греческой агоры и римского форума, рыночной площади, – то есть активно выступал против агорафобии. Под влиянием своего отца он придерживался принципа *Gesamtkunst,* согласно которому городское строительство должно подчиняться единому художественному замыслу. В своем стремлении к синтезу исторической и художественной традиции, убежденный в своей эстетической и социальной миссии, Зитте нес на себе заметный отпечаток влияния Вагнера. Действительно, последний указал путь к созданию нового мира – после того, как старый был разрушен адептами науки и торговли. Вагнер стал первым, кто создал концепцию *Gesamtkunstwerk* (всеобъемлющего художественного произведения) и мифического героя: так же, как музыкальная драма объединила самые разные виды искусства, национальный миф должен был объединить современное разрозненное общество. Как тонко отмечает Шорске в своей книге «Вена на рубеже веков», ни Вагнер, ни Зитте – в отличие от Маркса и деятелей Французской революции – не считали народ активным политическим элементом; пассивно-консервативный, он, по их мнению, нуждался в освобождении от подрывных влияний современности и деструктивных идей, идущих сверху, от ученых и торгашей-авантюристов.

Противником Зитте выступил Отто Вагнер, опубликовавший в 1895 году «Современную архитектуру» – труд, в котором он попытался дать объяснение дилемме эклектичного стиля, возобладавшего в XIX веке. Вагнер встал на защиту рационального, по сути – коммерчески утилитарного стиля, образцы которого видел в зданиях *Wienzeile.* В своем сочинении *«Die Grosstadt. Eine Stidie Über diese»* («Очерк о большом городе»), опубликованном в 1911 году, он противопоставил стилю Зитте необходимость соответствия образа города современному человеку. Он был назначен главным архитектором проекта сооружения венской железной дороги и профессором архитектуры Школы изящных искусств, возглавив кафедру, которую до него занимали представители «исторического» стиля и классического Возрождения. Зитте также выдвигал свою кандидатуру, но ему предпочли приверженца нового, технически утилитарного стиля.

Пятым важнейшим событием 1888–1889 годов стала консолидация двух политических партий, оказавших глубокое влияние на идеологию гитлеризма: Австрийской социал-демократической партии и пангерманистского движения кавалера Георга фон Шонерера, который, как и отец Гитлера, родился в районе Шпиталя.

Основатель Социал-демократической партии Виктор Адлер поддерживал знакомство с Фрейдом, Малером и Баром. Он являл собой «тип интеллектуала, ставшего политическим лидером, – весьма распространенный тип в истории австрийского социализма. Традиция австрийского марксизма зародилась из органичной связи между рабочим движением и интеллигенцией, озабоченной поиском собственной идентичности, ведущей происхождение из крупной, часто еврейской буржуазии». Эта точка соприкосновения еврейской интеллигенции с защитой общественных интересов начиная с 1908–1909 годов оказала глубокое влияние на негативное отношение Гитлера к марксизму, которое после войны оформилось в своего рода уравнение: большевизм равняется «еврейству».

С другой стороны, с программой «кавалера Розенау» Адольф Гитлер, по всей видимости, ознакомился в годы учебы в Штейре, а затем во время своих «шатаний» по Линцу. Кубицек даже утверждает, что отец его друга был антисемитом и симпатизировал движению Шонерера, что не соответствует автобиографическому рассказу Гитлера. Во всяком случае, можно утвер-

ждать, что знамя пангерманизма было ему вручено учителем истории Леопольдом Потшем и различными националистскими ассоциациями, развившими бурную деятельность в австрийской части страны. Гитлер вспоминал, что они предпочитали черно-красно-золотой флаг и *Deutschland über alles,* то есть *Heil* австрийскому гимну.

Шонерер, как и Адлер, как и мэр Вены социал-христианин и демагог Люгер, поначалу был либералом. К постепенному отходу от данного течения его вынудили равнодушие и недопонимание либералами важности социального вопроса, а также их вялое отношение к славянскому и чешскому национализму. В программе, принятой в Линце в 1882 году, эти либералы-диссиденты провозглашали радикальную демократию, социальную реформу, таможенный союз и установление более тесных договорных отношений с немецким рейхом. Но они не стремились к аншлюсу, в отличие от Шонерера, который посвятил ему длинную речь в рейхстаге. Впоследствии он высказывал эту же идею в рамках своей борьбы за роспуск монархии Габсбургов. Еще одной стержневой идеей программы Шонерера стал антисемитизм. В своем первом заявлении, сделанном в 1879 году, он связал интересы земельных собственников с интересами рабочих и противопоставил их капиталу и евреям, власть которых зиждется на деньгах и слове. Все более частые нападки кавалера на евреев объяснялись в том числе и тем, что он защищал австро-венгерское государство и положение наций, составляющих большинство. Как пишет Шорске, «Шонерер был самым ярым и самым упорным антисемитом, когда-либо рождавшимся в Австрии. В то же время он показал себя самым яростным противником всякой интеграции, способной сплотить разные народы, населявшие империю: он был врагом либерализма, социализма, католицизма и имперской власти. […] Антисемитизм позволил ему одновременно стать антисоциалистом, антикапиталистом, антикатоликом, антилибералом и врагом Габсбургов». В 20-е годы эта доктрина как нельзя лучше подойдет Гитлеру, только вместо «антигабсбургской» составляющей в ней появится «антивеймарская». Впрочем, Шорске также приписывает Шонереру эдипов бунт, схожий с гитлеровским, и общие черты паранойи; наконец, еще одна дорогая Гитлеру идея, а именно идея «народной общности», также появлялась уже у Шонерера.

Биографы Гитлера указывают на это духовное родство гораздо реже, чем на то влияние, которое оказал на него мэр Вены Карл Люгер. Если Шонерер «преобразовал традицию бывших левых в идеологию новых правых» посредством трансформации демократического национализма *grossdeutsh* в пангерманизм расистского толка, то Люгер совершил как раз обратное: «Он трансформировал идеологию старых правых, основанную на австрийском политическом католицизме, в идеологию новых левых, принявшую вид христианского социализма». «Прекрасный Карл», как его называли, не восставал против добропорядочного венского общества, но его более грубый и демагогический стиль позволил ему завоевать массовую аудиторию, о которой Шонерер с его идеями не мог и мечтать. Когда в 1887 году Шонерер предложил на рассмотрение Имперского совета проект закона об ограничении еврейской иммиграции, Люгер, который до тех пор особенно не участвовал в антисемитских дебатах, поддержал его, причем явно из соображений, связанных с будущими выборами; точно так же его поддержка левого католицизма несла явный отпечаток выраженного политического оппортунизма. Эта позиция легла в основу знаменитого высказывания, позже повторенного Герингом: «Я решаю, кто еврей, а кто – нет».

Если мы объясняем антисемитизм Гитлера главным образом сильным влиянием Люгера, то этому есть причины. Так, в «Майн Кампф» автор пишет о нем с неприкрытым восхищением. В действительности мэр Вены и кавалер, каждый по-своему, оказали решающее влияние на программу и тактику фюрера.

Констатируя, что ни тому ни другому не удалось достичь поставленной цели: спасти Австрию и защитить немецкий народ от катастрофы соответственно, – Гитлер добавляет, что считает поучительным исследовать причины их неуспеха, поскольку это позволит избежать

ошибок, которые «привели одно из движений к краху, а другое сделали бесплодным». Очевидно, что оба австрийских «мэтра» оказали сильнейшее влияние на Гитлера: при составлении собственной программы он во многом вдохновлялся не только идеями Шонерера, но и его «искусством брани и его гениальной способностью наносить врагам оскорбления», а в качестве политика широко пользовался рецептами Люгера.

Завершая изучение почвы, на которой зародился гитлеризм, необходимо упомянуть появление чешской и австрийской национал-социалистических партий. Их создание было обусловлено как альтернативой выбора, стоявшего перед социализмом в отношении национального вопроса, так и социально-экономическими потрясениями, связанными со стремительной индустриализацией. По мнению Карла Дитриха Брахера, «начиная с 1900 года национальный вопрос и кризис адаптации к современному обществу стали трамплином «националистического социализма» в немецкой Богемии». Профсоюзы и партии раскололись на чешские и немецкие: в 1898 году возникла Национал-социалистическая партия, в 1904-м в Траутенау была основана Немецкая рабочая партия *(Deutsche Arbeiterpartei; ДАП),* которую поддерживали немецкие профсоюзы, объединенные в Центральную комиссию немецких профсоюзных ассоциаций, – треть из них вошла в *ДАП*. Ее членами стали служащие торговли, рабочие, шахтеры и железнодорожники, часть из которых прежде поддерживали социал-демократов. Первая программа представляла собой смесь социализма, антикапитализма, антиклерикализма и прогерманизма, после 1913 года обогащенного антисемитскими лозунгами. Однако ни в программе, ни в организации партии не было ничего антидемократического, милитаристского, террористического или основанного на принципе вождизма. Впрочем, довольно скоро над личным и классовым началом возобладал национальный элемент. Среди пионеров партийного движения находился рабочий Франц Штайн, поддерживавший тесные связи с движением Шонерера, в 1899 году, то есть за двадцать лет до создания Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), организовавший в Эгере Национальный конгресс трудящихся, который имел программу, состоявшую из 25 пунктов. Эта партия, так и не получившая широкой аудитории (в австрийской части страны за ДАП голосовало всего 26 670 человек, и до 1914 года она не получила ни одного мандата в рейхстаге), объясняла социальную нищету чешской иммиграцией в немецкие города Судетов. Некоторую солидность движение приобрело благодаря доктору Вальтеру Риелю – «социалисту-ревизионисту», который прославился своим участием в уличных схватках, – и инженеру-железнодорожнику Рудольфу Юнгу. В 1913 году они совместными усилиями разработали «программу Иглау», в которой не только подчеркивалось принципиальное расхождение между интернационалистским марксизмом и националистическим социализмом, но и открыто провозглашались антикапитализм, антисемитизм и ксенофобия. В числе конкретных целей – по правде говоря, выраженных достаточно туманно, – фигурировали национализация монополий, осуждение нетрудовых доходов, объявление войны капиталу и «рабству интересов». До Первой мировой войны ДАП выработала еще две программы и летом 1918 года стала именоваться Национал-социалистической рабочей партией Германии *(Deutsche Nationalsozialistesche Arbeiterpartei; НСДАП).* Один из лозунгов НСДАП (общий интерес важнее личного) был сформулирован уже в одной из статей Юнга, опубликованных в 1919 году под заголовком «Национал-социализм, его будущее и его цели». По мнению Брахера, «эта иррациональная идеология, проповедующая политику силы, содержала бесспорно революционный элемент. […] Революционный элемент состоял в воле к мобилизации масс и тотальному «обновлению» государства и общества. Он прослеживался в той ненависти, которая обрушивалась на все, что было [чуждым народу; то есть на «недочеловеков» – евреев и чехов], а также в рационализации националистического и социального чувства с помощью теории врожденного превосходства «расы господ».

Таким образом, в годы детства и юности Гитлера многие составляющие нацистского мировоззрения уже существовали и были широко распространены в Австрии. Он воспринял их и проникся ими, чтобы в момент, определенный историей, сплавить эту «австрийскую модель» с идеологией, унаследованной от Второго рейха.

Юность и личностный кризис: венские и мюнхенские годы

Ряд авторов полагают, что «путь Гитлера начался в Вене», однако мы уже убедились, что поиск корней его отдельных поступков и идей требует, чтобы мы заглянули дальше. Сам Гитлер озаглавил вторую главу «Майн Кампф», посвященную предвоенному венскому и мюнхенскому периоду, «Годы учебы и страдания» – возможно, не без влияния сочинения Гете «Годы учебы и скитаний Вильгельма Майстера». Было высказано немало критических замечаний по поводу жалобного тона, пронизанного сочувствием к себе, которым отмечены его венские воспоминания. Особенно подчеркивалась неточность утверждений Гитлера относительно бедности и материальных затруднений. Многие историки, тщательно восстановившие его тогдашнее финансовое положение, утверждают, что, получив наследство от матери и тетки Иоганны, он стал относительно обеспеченным человеком. Так что неизвестно, что Гитлер имел в виду, употребляя такие выражения, как «богиня Нищета» или «госпожа Тревога», – всех обездоленных или образ собственного морального упадка. Смерть матери оставила в его душе зияющую пустоту, спровоцировав и ускорив жестокий личностный кризис, по мнению некоторых исследователей, так до конца и не преодоленный. Отъезд в Линц напоминал бегство; о том, что он провалился на экзаменах в академию, он не сказал никому из родственников и даже своему другу. Не признался он в этом и своему наставнику, мэру Леондинга Йозефу Майрхоферу, который, судя по некоторым данным, хотел обучить его ремеслу булочника. Теперь он тем более не смел даже приблизиться к Стефании, в которую был влюблен. Выше мы уже обсуждали тезис о том, что его мать испытывала чувство стыда и передала сыну сознание вины. Не отбрасывая вовсе это предположение, рассмотрим все же более вероятное толкование: Гитлер сам стыдился своей неудачи и переживал из-за того, что не смог обрадовать Клару своими успехами. Стремясь стереть из памяти этот неприятный эпизод, он стал брать уроки у преподавателя скульптуры Панхольцера, намереваясь повторить попытку. Владелица дома в Урфаре дала молодому человеку рекомендацию к Альфреду Роллеру – известному режиссеру и директору Школы искусств и ремесел в Вене. Она представила Гитлера как очаровательного и серьезного юношу из хорошей семьи. Роллер выразил готовность принять его, а Гитлер отправил своей домохозяйке благодарственное письмо. Позже, во время одной из своих «застольных бесед», он заявил, что так и не воспользовался рекомендательным письмом, хотя, вполне вероятно, что оно сослужило бы свою службу и он не провалился бы на экзамене в 1908 году. Ибо на сей раз экзаменаторы нашли его живописный дар еще менее развитым, а способности к рисованию и черчению – еще более явными. Его не допустили даже ко второму туру испытаний. По всей видимости, эту вторую неудачу Гитлер пережил как настоящую катастрофу, сопровождавшуюся глубоким унижением, которого он так никогда и не забыл. В числе преподавателей фигурировало несколько евреев, и он дал себе клятву когда-нибудь им отомстить. Не исключено, что здесь и кроется один из побудительных мотивов формирования его антиеврейского синдрома. Как бы то ни было, одно несомненно: поражение усилило его замкнутость. До этого, с февраля по июль, он жил вместе с Кубицеком на Штумпергассе. Его товарищ продолжал старательно учиться в консерватории и даже взял напрокат пианино, которое заняло бóльшую часть их комнаты. По вечерам молодые люди совершали вылазки, чаще всего в Оперу. Именно тогда у Гитлера родился замысел сочинить оперу – *«Wieland le Forgeron»* («Виланд-кузнец»), для которой он, вдохновленный идеей Вагнера о необходимости синтеза музыки и драматического действия, написал либретто и придумал некоторые музыкальные темы, которые его

другу Густлю оставалось, по его мнению, «только оформить». Но прожект двух неофитов не вышел за рамки набросков и вскоре был ими заброшен.

Летом Кубицек ушел в армию, а Гитлер, как обычно, поехал в Шпиталь, откуда послал другу последнюю открытку. Спустя короткое время, порвав с семьей, он вернулся в Вену, где его жизнь протекала как обычно – в занятиях рисованием, чтении, прогулках и походах в Оперу. Он съехал с квартиры на Штумпергассе и устроился неподалеку, в Пятнадцатом городском округе, на Фельберштрассе, в доме номер 22. Уезжая, он не оставил своего нового адреса. Если своей первой неудачей он поделился с Густлем, то сообщать приятелю о второй ему, судя по всему, не хватило храбрости. Возможно, Гитлер опасался, что тот поставит в известность его родственников, с которыми у него окончательно испортились отношения. Если бы его лишили сиротского пособия, он потерял бы всякую надежду на продолжение учебы. Кроме того, он довольно часто злился на друга, который, бесконечно упражняясь за пианино, мешал ему. В полиции он указал, что является студентом. У нас мало достоверных сведений об этом периоде его жизни. Гитлер, которому исполнилось девятнадцать лет, переживал жестокий кризис, не дававший ему понять, что он, собственно говоря, собой представляет как личность. Он в существенной мере утратил веру в себя, и ему было необходимо найти новую цель в жизни. Похоже, Адольф окончательно расстался с мечтой стать художником или архитектором – так, он даже не собирался возвращаться в Линц чтобы попытаться сдать экзамены на аттестат зрелости. Наверное, его наставник, человек простой и прагматичный, не поддержал бы его в этом начинании – после двух подряд провалов. К внутренней неуверенности добавлялся страх слишком быстро прожить свой капитал, хотя он вел крайне скромный образ жизни, питаясь в основном хлебом и молоком. Единственное, что он довольно неплохо умел делать, – это рисовать и писать маслом. Но он понимал, что должен еще суметь продать продукты своего скромного дарования. Должно быть, Гитлер в ту пору пребывал в полном смятении – все пошло наперекосяк, будущее представлялось безысходным.

Судя по всему – он сам написал об этом в «Майн Кампф», а позже повторил Невиллу Чемберлену, – антисемитом он стал начиная с 1908 года. Именно в это время, названное Эриксоном латентным периодом, молодой Гитлер, искавший свой путь в расстилавшейся вокруг пустыне, усвоил и принял сердцем основы будущего *Weltanschauung* [8]. В этот же период, точнее, с осени 1908-го по осень 1909 года, он, по его собственному признанию, «закалился» и почувствовал в себе волю не сдаваться и противостоять материальным трудностям. Гитер все больше замыкается в себе; его аутизм и нарциссизм усиливаются, как и его стремление поворачиваться к миру исключительно «фасадом», не выдавая своих истинных намерений.

Действительно ли он в этот промежуток времени трудился рабочим на стройке, как впоследствии утверждал, неизвестно. Поразительно другое: приводимый им эпизод стычки с рабочими – членами профсоюза, едва не завершившийся его падением со строительных лесов, странным образом напоминает рассказ из «Воспоминаний» Антона Дрекслера – первого руководителя Немецкой рабочей партии (ДАП) в Мюнхене, впоследствии получившей известность как НСДАП (не путать с упоминавшейся выше партией ДАП, основанной в Траутенау в 1904 году). Возможно, Гитлер, не раз заявлявший о том, что узнавал себя во многих пассажах этих «Воспоминаний», воспользовался ими, чтобы продемонстрировать, что в прошлом он занимался ручным трудом. Установлено, что он хватался за разные возможности подработать и у него возникали стычки с рабочими, которых он пытался убедить в том, что партия – это не только инструмент класса буржуазии, законы – не только способ угнетения пролетариата, а школа – отнюдь не то учреждение, где происходит формирование рабов и их хозяев, стоящих по разные стороны баррикады. Говоря об этом, он стремился защищать вовсе не монархию, но свои личные убеждения. Действительно, в смутные годы, проведенные в Вене, в нем, парал-

[8] Мировоззрение *(нем.)*.

лельно со страстью к архитектуре, развивался интерес к политике. Кубицек в своих воспоминаниях упоминает о том, что Адольф рвался переделать мир, готовый преодолеть все барьеры, на которые ему указывал друг, рассуждая о революционной буре. В частности, он изучал социальный вопрос и на практике, и в теории, через чтение литературы. В автобиографии Гитлер издевается над теми, кто лично не знаком с проблемами жилья, охраны труда, голода и нищеты. Он либо наблюдал все это в своем квартале, либо узнал из собственного опыта. Также он иронизирует над интеллигентами, скапливающими в голове огромное количество знаний, но не умеющими распорядиться ими с пользой для дела. Он подчеркивает, что чтение – не самоцель, но средство соединения различных элементов, необходимых для занятий ремеслом или выработки мировоззрения: следует не просто запоминать содержание книг как таковое, но скорее хранить его в виде фрагментов мозаики, каждому из которых найдется место в общей конструкции. Искусство «полезного чтения» позволит исправить или дополнить ранее полученные знания. Гитлер уверяет, что сам, начиная с детства, старался читать именно таким образом, и пребывание в Вене оказалось в этом отношении чрезвычайно плодотворным. «Повседневный опыт открывает возможность новых знаний. Умение объяснить реальность в свете теории и сравнить последнюю с реальностью помогло мне избежать скатывания в теоретизирование и поверхностность. По всей видимости, я бы никогда не занялся марксизмом, если бы обстоятельства не подтолкнули меня к этому».

Этот фрагмент важен со многих точек зрения. Он проясняет для нас взаимосвязь между общим контекстом и личностью будущего фюрера. Детство и последующие годы, на протяжении которых он испытал на себе то или иное влияние, оказались источником очень общих, довольно-таки смутных впечатлений, своего рода первым камнем в фундаменте определенных идей, побуждающих к действию. В Вене он столкнулся с суровой реальностью повседневной жизни, и шок от этого непосредственного столкновения имел для него первостепенное значение. Гитлер открывает для себя мир рабочих – до того он вращался во вселенной малой или средней буржуазии. Он полностью разделял страхи последней перед утратой социального статуса, которой отчаянно стремился избежать. Он также открыл для себя мир крупной буржуазии с ее фривольной жизнью, мир аристократии и офицерства – все это «культурное общество», столь ярко описанное драматургом Шнитцлером. Гитлер своими глазами увидел социальное расслоение, характерное для Вены периода *belle epoque,* когда живущие бок о бок люди понятия не имели о существовании друг друга. Наконец, Гитлер открыл для себя еврейство, образ которого до того оставался размытым. Если он и был антисемитом, то пока в латентной форме. Таким образом, пребывание в Вене послужило ему катализатором, если не источником откровения. Этот период не только принес ему новые идеи, но и позволил старым обрести форму, выкристаллизоваться. Поскольку его чтение носило бессистемный характер – классика, история, памфлеты, брошюры и особенно газеты, – а запоминал он исключительно то, что представляло для него интерес с точки зрения укрепления своего мировоззрения, то не удивительно, что он решил, будто занят выработкой собственного *Weltanschauung*. Однако произвольный и ограниченный выбор «духовной пищи», а также куцее восприятие реальности привели к тому, что выстраиваемая им идеологическая конструкция оказалась слишком жесткой, исключающей любую альтернативу, что представляло собой немалое, если можно так выразиться, преимущество для формирования стройной системы взглядов.

Маргинал, в которого он превратился, отвергал политическую систему и общество, в котором он жил и чьи фундаментальные пороки, в том числе в общественно-культурной сфере, он мечтал искоренить. Гитлер, например, горько сетовал на почти полное отсутствие в Австрии законов и судов, занятых разбирательством общественных дел, и напоминал о реформах, проведенных Бисмарком в Пруссии. Он также задавался вопросом о роли школы в пробуждении национального самосознания народа, которому следовало внушить чувство величия, потому что люди «сражаются только за то, что любят; любят только то, что уважают, а чтобы уважать,

надо по меньшей мере знать». Он приводил в пример проводимое во Франции «шовинистическое» воспитание, которое на деле сводилось к превознесению величия Франции и ее «культуры». Это такое воспитание, которое способствует формированию не объективного, а глубоко субъективного взгляда на окружающий мир. Именно за такой подход Гитлер и ратовал – но только для своей страны. В «Майн Кампф» нашла выражение его ощутимая франкофобия, равно как и бесконечные упреки в адрес венцев, якобы склонных к «галломании».

Внимание к школьному образованию в дальнейшем приобрело у него постоянный характер и нашло выражение в создании «школ Адольфа Гитлера» и таких государственных учебных заведений, как «NAPOLA». Разработанная им система базировалась в том числе и на собственном опыте, полученном в австрийской начальной и средней школе, – опыте, который он сам считал безусловно негативным, исключая преподавание истории в «реалшуле».

Интерес к марксизму, его идеологии и методам партий марксистского толка также проистекал из конкретного жизненного опыта. Гитлер допускал, что до приезда в Вену мало что знал о социал-демократии, и даже то немногое, что знал, не отличалось достоверностью. В то время он полагал, что понятия социализма и социал-демократии синонимичны, а о марксизме вообще никогда не слышал. В принципе он относился к этим направлениям скорее положительно в силу того, что они боролись за установление всеобщего тайного голосования (введенного в 1907 году). Возможно, Гитлер надеялся, что эта мера приведет к ослаблению Габсбургов и даже падению «вавилонского рейха» и, как следствие, к аншлюсу австрийских немцев с немецкой родиной-матерью *(Mutterland)*? Таким образом, Австрия представала перед ним ненавистной страной, страной его отца, верноподданного чиновника, тогда как бисмарковская Германия, напротив, страной матери. Историки-психоаналитики видят в употреблении термина *Mutterland* доказательство глубокого конфликта эдиповой природы, жертвой которого стал Гитлер. Между тем стоит ознакомиться с работами специалистов, изучающих Вену конца века, и становится очевидным, что большинство художников и политиков в равной мере мучительно размышляли над теми же проблемами.

Гораздо более важным представляется тот интерес, который Гитлер с самого начала проявил к вопросу о вкладе политических партий в немецкое дело. Их политические и идеологические особенности открывались ему постепенно, и он неизменно старался свести их к национальной составляющей. Фанатичную любовь к *Volk,* проповедуемую пангерманистами Шенерера, а позже – ДАП и НСДАП, можно объяснить только с позиции глубоко ощущаемой австрийскими немцами угрозы, исходящей от других народов, например чехов, и ставящей под сомнение германское «превосходство». Именно негативное отношение к борьбе за поддержание «германского духа» и попытки найти согласие со «славянскими товарищами» пробудили в Гитлере враждебную подозрительность к социал-демократии. В маленьком кафе, куда он имел обыкновение захаживать, Адольф стал читать центральный орган социал-демократов – «Рабочую газету», в 1910 году выходившую тиражом 54 тыс. экземпляров.

И читал он ее регулярно – несмотря на отвращение к стилю изложения («литературное дерьмо дадаизма»). И с каждой страницей в нем крепла – во всяком случае, он так считал – любовь к своему народу. Любопытная деталь: в то самое время, когда Гитлер негодовал по поводу отсутствия национального чувства у Социал-демократической партии, Лев Троцкий, начавший в 1908 году выпускать в Вене газету «Правда», затеял острую полемику против шовинизма все той же «Рабочей газеты» и руководителей партии Отто Бауэра, Карла Реннера, Фридриха Аустерлица и Виктора Адлера.

Именно знакомство с газетой социалистов привело молодого Гитлера к мысли о том, что необходимо противопоставить их идеологии свою, «превосходящую» идеологию и что ради победы следует действовать столь же грубыми методами. Ему хватило двух лет, пишет он, чтобы понять не только их «уроки» (термина «идеология» он не употребляет), но также их методы и средства борьбы, например терроризм на заводах или во время местных собраний

и массовых манифестаций. Чем больше подробностей Гитлер узнавал о применении физического насилия, тем охотнее оправдывал тех, кто не сумел устоять против его применения. В эти «годы мучений» он, по-видимому, обрел чувство причастности к своему народу и научился отличать жертвы от прельстителей.

Что же это – пропагандистская речь, написанная 15 лет спустя? Не только. Даже если в 20-е годы он предпринял немало усилий, чтобы привлечь как можно больше рабочих в свою партию, эти рассуждения еще раз доказывают, что Гитлер предпочитал замечать и впитывать только то, что подтверждало и усиливало его собственные взгляды. Он обошел вниманием гуманистическую направленность идей, разделяемых австрийскими марксистами, тем более – проводимую ими воспитательную работу, и запомнил только технические приемы физической драки – стычек на собраниях или на улице.

По его мнению, то, что позволило марксистам «прельстить» рабочих, было ошибкой, вина за которую ложилась, с одной стороны, на буржуазию, ничего не делавшую для улучшения положения рабочих (отсюда появление профсоюзов, сейчас же прибранных к рукам социал-демократами), а с другой – на евреев: «Только ознакомление с еврейством дает ключ к пониманию глубоких и истинных намерений социал-демократии». Уже после того, как Гитлер изучил деятельность социал-демократов и привык к чтению либеральной прессы – «Нойе фрайе прессе» (тираж 50–55 тыс. экземпляров), официальной газеты «Винер цайтунг» (30 тыс.), но главным образом «Дойче фолькcблат» (25 тыс.) – органа Христианско-социальной партии Люгера, отличавшегося ярым антисемитизмом, – настал день, когда он повстречал в Вене странного персонажа – в кафтане, с вьющимися черными волосами. Кто он – еврей? И одновременно – немец? Тогда настал черед чтения антисемитских брошюр. Можно также упомянуть газету Шенерера «Альдойче блэттер», редакция которой располагалась неподалеку от Штампергассе. С той поры, куда бы Гитлер ни шел, ему везде мерещились евреи, и чем больше он их встречал, тем яснее ему становилось, что они не похожи на остальных человеческих существ. Он начал их ненавидеть.

До приезда в Вену «евреи» оставались для Гитлера скорее абстрактным понятием. В Линце, пишет он, их было очень мало, кроме того, они «внешне европеизировались и стали похожими на других людей». Между тем сегодня нам известно, что из 329 учеников «реальшуле» было 15 евреев, из которых шесть человек учились в одном классе с Гитлером и ни в малейшей степени не выделялись чем-либо особенным. Лишь во время «изгнания» в Вену, после чтения антисемитских газет и брошюр определенные идеи и стереотипы приобрели для него личное значение. Не следует забывать, что галицийские евреи – кепка, кафтан, длинная черная борода – являли собой тип людей, заметно отличавшихся от ассимилированных евреев. Последние, впрочем, относились к первым без особой теплоты, так что не будет преувеличением сказать, что в рядах самих евреев свирепствовал своеобразный антисемитизм.

Нам неизвестно, какую роль в росте ненависти Гитлера к евреям сыграли зависть и пережитые в прошлом унижения. Вполне возможно, что сказались и его провал в академию, и выдающееся положение, занимаемое в культурной жизни Вены интеллигенцией, писателями и художниками. Перефразируя Бертольта Брехта, можно сказать, что евреи росли на свету, не замечая того, что другие, в том числе он сам, остаются в тени. Многие авторы отмечали отсутствие у Гитлера интереса и его полное невежество во всем, что касалось живописи и иных форм авангардистского искусства. Внимательное чтение «Майн Кампф» позволяет сделать вывод о том, что для него все эти течения были выражением космополитизма в искусстве и в мире, отбрасываемого как совершенно чуждое народу; и это, как известно, привело Третий рейх к отрицанию и уничтожению искусства «вырождения».

Большинство биографов фюрера утверждают, что Гитлер страдал от сексуальной фрустрации по отношению к евреям, которые якобы имели больший, нежели он, успех у женщин. Подобные утверждения базируются на апокрифических воспоминаниях. На самом деле о его

сексуальной жизни в то время неизвестно ровным счетом ничего. Кубицек упоминает о единственной эскападе в «горячем квартале» Вены и утверждает, что при виде проституток его спутник выказал стыдливое отвращение. Гораздо позже его личный врач поведал о том, что Гитлер терпеть не мог раздеваться. В Вене Адольф еще верил в «священный огонь», который должен объединить мужчину и женщину, дабы сохранить в чистоте их тело и душу и обеспечить здоровое потомство. Проституция марала этот огонь. И в своей автобиографии он прямо связывает ее с евреями. Но и в этом случае речь идет о теме, разрабатываемой другими, в частности депутатом сейма и рейхстага Шайхером. Указывая на идеалистическое понимание любви Гитлером, Кубицек в то же время отмечает, что Гитлер скорее сторонился женщин и относился к ним с некоторым пренебрежением, из чего можно сделать вывод о корнях его женоненавистничества. Впрочем, сам Гитлер, кажется, нравился женщинам, и впоследствии у него, как известно, было несколько связей. В его возрасте было бы совершенно нормально, чтобы во время жизни в Вене случились какие-то любовные приключения – с официантками или статистками Оперы, одним словом, с какой-либо из «милых и легкомысленных» девиц. Возможно, одна из них бросила его и ушла к еврею или насмешливо отозвалась о его физическом недостатке (он страдал монорхизмом). Но все эти соображения отдают спекуляцией, даже если его секретарь Христина Шредер утверждает, что у Гитлера тогда была любовница по имени Эмилия и что впоследствии он больше никогда не жил половой жизнью, даже с Евой Браун. Все это представляется малодостоверным. Зато вполне реальным кажется фактор влияния буржуазной морали: «С одной стороны, она признавала существование сексуальности и ее естественное утоление в частной жизни, а с другой – ни за что не соглашалась признать ее публично». Стыдливость и подавление желания, широко распространенные в приличном обществе Вены, в числе прочих описал Стефан Цвейг – друг, ученик и пациент Зигмунда Фрейда.

Страх перед всем, что было связано с физической жизнью тела, проник повсюду: и в высшие круги, и в простонародную среду, вызывая невротическую панику. Цвейг рассуждает о темных подвалах, над которыми высится сверкающий, без единого пятнышка, фасад буржуазного общества, и об ужасе перед сифилисом, преследовавшем молодых венцев. Закомплексованный и зажатый юноша, каким был тогда Гитлер, наверняка испытал на себе разрушительное воздействие этой давящей атмосферы. Отвергнув онанизм, он, по словам Кубицека, был вынужден довольствоваться своими фантазиями, навеянными чтением брошюр, например выпускаемых Ланцом фон Либенфельсом, на страницах которых белокурые красавицы отдавались черноволосым соблазнителям.

Еще один ученик Фрейда, Вильгельм Райх, увидел в перверсивном влиянии тогдашней морали источник фашизма: сексуальное подавление, имевшее целью сплочение масс, служило инструментом патриархальной семьи, поддерживаемой вначале церковью, затем – буржуазным обществом. По мнению исследователя, успех нацизма объясняется тем фактом, что он опирался в основном на мелкую буржуазию, внутри которой подобные механизмы действовали особенно эффективно, а также тем, что структура личности фюрера, рассматриваемая под углом психологии толпы, совпадала со структурой широких слоев населения.

В труде, переизданном с дополнениями после падения национал-социализма, Райх пишет, в частности, о подавлении сексуальности, сопровождаемой тревогой: «Силы, которые долгое время держались на обочине под лакировкой хорошего воспитания и искусственного самообладания и многочисленными носителями которых выступали те же люди, что боролись за свободу, пробили себе дорогу в активном действии, в результате чего появились концентрационные лагеря, преследование евреев, уничтожение гражданского населения монстрами садизма».

Сексуальное подавление, служащее источником неврозов, и его роль в создании стойких фантазий является фактором, который невозможно обойти вниманием, если мы хотим понять феномен гитлеризма. Согласно Фридриху Гееру, фюрер так никогда и не смог освободиться

от сексуального невроза, впервые давшего о себе знать в Вене. Сам язык «Майн Кампф» и многих речей, в особенности антисемитских пассажей, вполне может быть принят за патологическое выражение нерешенных сексуальных конфликтов и сыграл свою роль – наряду с социально-культурными влияниями, пережитыми в детстве и юности.

К числу открытий, сделанных Гитлером в годы жизни в Вене, принадлежали не только рабочий и еврей, но и так называемый парламентарий. Как пишет он сам, образ этого персонажа сложился в его сознании именно в эту эпоху и в дальнейшем не претерпел сколько-нибудь значительных изменений. С восхищением относясь к британскому парламенту, о котором он узнавал из газет, Гитлер искренне презирал парламент Австрии, считая его недостойным подобием прекрасной модели. Вместо того чтобы защищать немецкое дело, депутаты его предавали. Уровень и форма дебатов выглядели жалко. И сам институт, и его представители казались ему подозрительными, а вместе с ними – и сама демократия, способствовавшая распространению марксизма. Парламентаризм, по его мнению, был не чем иным, как «нелепым выкидышем грязи и огня» (парафраз Гете), притом что огонь давно угас. Особенно не нравился Гитлеру принцип мажоритарности, при котором стирается личная ответственность; подменяя личный авторитет численностью, он превращается в проявление трусости – порок, относимый им к наиболее постыдным. Кроме того, в парламентской жизни, насколько он мог судить по своим наблюдениям, Гитлера раздражал дисбаланс между знаниями и способностями народных представителей и теми задачами, решение которых им было доверено. И это не говоря уже о способах, какими они получали свои места! Подобные рассуждения привели к тому, что он принялся яростно нападать на прессу и журналистов, «фабрикующих общественное мнение», в свою очередь влияющее на избрание тех или иных депутатов. Демократии подобного типа, выступающей как инструмент расы, «не имеющей права появляться при свете дня», он противопоставляет германскую демократию и свободные выборы лидера, несущего ответственность за все свои действия. Ворота пантеона Истории с большой буквы должны быть открыты перед героями, а не перед ползающими тварями.

Но… до доступа к вышеупомянутому пантеону оставалось еще далеко, а пока Гитлер «катился вниз» по социальной лестнице. 21 августа 1909 года он переезжает в более дешевое жилье, расположенное на третьем этаже в доме 58 по Зехшаузерштрассе, в 14-м округе. На сей раз в графе профессия он ставит: «Писатель». По прошествии неполных трех недель он оставляет эту квартиру, не предуведомив полицию. По мнению Хайдена и Мазера, он перебрался в Симон-Денкгассе. К концу 1909 года мы обнаруживаем его в приюте для бездомных в Майдлинге (Азильгассе, 4), неподалеку от Шенбрунна, затем, 8 февраля 1910 года, он переезжает в Маннергейм – нечто вроде общежития для малообеспеченных мужчин – по адресу: Мельдеманнштрассе, 27. Это было заведение на 544 койки, созданное с целью хотя бы частично решить проблему жилья в перенаселенной столице; чтобы стать его обитателем, надо было зарабатывать меньше 1500 крон в год. На первом этаже располагались кухни и столовая, выше – клетушки с кроватью, столом, шкафом и зеркалом. Имелись также общие столовая и кухня и несколько служебных помещений. Одним из преимуществ было наличие читальни, в которой Гитлер устраивался со своими кистями и коробкой акварели. В общежитии он познакомился с Рейнгольдом Ганишем – маргиналом, успевшим отсидеть в тюрьме, живущим по фальшивым документам и испробовавшим множество занятий. Полная противоположность робкому и неловкому Гитлеру, Ганиш не боялся ничего. Между ними установилось своего рода сотрудничество: Гитлер писал картины, по большей части скопированные с почтовых открыток или старинных гравюр, а Ганиш их продавал. Моделями чаще всего служили здание парламента, Хофбург и другие постройки. Кроме того, он рисовал портреты, пейзажи, афиши и рекламные плакаты косметических препаратов, обуви, дамского белья и т. д. Подписывал свои творения «А. Гитлер» или просто «Гитлер». Его произведения покупали интеллигенты или еврейские коммерсанты, и впоследствии некоторые из них добрались аж до Англии. К концу 1930-х годов

за них предлагали от шести до восьми тысяч марок – гораздо больше, чем в венский период, когда за каждую удавалось выручить от силы несколько крон, которые приятели делили между собой. Их тандем неожиданно распался в августе 1910 года, после того как Гитлер подал на Ганиша в суд за то, что тот стянул у него картину и присвоил 19 крон. Ганиша приговорили к недельному тюремному заключению. С бывшим компаньоном он больше не виделся вплоть до 1913 года, когда они встретились совершенно случайно. Он обманывал не только товарища: когда Гитлер добился известности, Ганиш продавал якобы подписанные фюрером картины, которые изготавливал сам. 16 ноября 1936 года его арестовала австрийская полиция. 2 февраля следующего года он умер в тюрьме – то ли от пневмонии, то ли от сердечного приступа.

После этого эпизода Гитлер на некоторое время устроился в багетную мастерскую, выполнявшую заказы реставраторов для Музея изящных искусств. Здесь молодой человек познакомился с профессором Ритшелем, специалистом по реставрации картин, и показал ему несколько своих работ в надежде получить рекомендацию для поступления в академию. Однако на профессора его таланты не произвели большого впечатления.

Адольфу Гитлеру пришлось продавать свои произведения самостоятельно или через посредников; за каждую из них он выручал от трех до двенадцати крон. Зато делиться с Ганишем больше не нужно было. К тому же он получил причитавшуюся ему часть наследства от тетки Иоганны Пелцль и смог отказаться от сиротского пособия в пользу младшей сестры Паулы (в мае 1911 года). Добившись некоторой финансовой независимости, Адольф стал меньше работать и больше читать. Тогда же у него появилась привычка вести диспуты с другими гостями Маннергейма. Летом 1911 года он совершил нечто вроде паломничества в Бранау и Леондинг и написал флигель в саду, окружавшем дом, где он жил с родителями, а также церковь Св. Этьена. Поездку слегка омрачило приключившееся с ним желудочное расстройство, причину которого врач приписал нервам. Пациент категорически отверг подобное объяснение. Впоследствии ему еще не раз будет доставлять неприятности аналогичное недомогание, иногда сопровождающееся коликами, особенно в критические моменты жизни.

На следующее лето Гитлер предпринял новую поездку по местам ушедшего детства, на сей раз – в Гафельд, где написал свою первую школу, и в Фишльхам, откуда привез рисунки замковой мельницы. Возможно, эти ностальгические путешествия доказывают, что он считал свое детство счастливым периодом, особенно в сравнении с венским одиночеством. Его ничто не держало в этом городе, за исключением немногих знакомств в Маннергейме да еще молоденькой служанки Марии Ринке, с которой он изредка встречался, когда жил на Земпергассе. Впрочем, о природе их отношений нам ничего не известно.

Единственным, что мешало ему покинуть австрийскую столицу, был страх перед военной администрацией, так как он не явился в предписанный срок на призывной пункт. Но с тех пор минуло уже три года, и Адольф, очевидно, надеялся, что сможет пересечь границу с рейхом без осложнений. Итак, 24 мая 1913 года – а не 1912-го, как написано в «Майн Кампф», – он попал в Германию, страну, которую считал своей. Его сопровождал торговый служащий Йозеф Гауслер, также бывший житель Маннергейма. Они поселились в Мюнхене, в доме номер 34 по Шляйсхаймерштрассе, у портного по имени Йозеф Попп, причем Гитлер представился чертежником-архитектором. Квартирная плата составила шесть марок за двоих. В феврале 1914 года Гауслер решил перебраться в другую комнату, расположенную на той же площадке, и Гитлер стал платить за свою пять марок. Образ жизни его мало изменился. Он сидел дома и писал акварели, иногда работал маслом, как всегда используя как источник вдохновения почтовые открытки. Многие знаменитые художники не брезговали фотографиями в качестве моделей, это известный факт, но люди, наделенные талантом, всегда изменяют и перевоссоздают готовые образы, чего никак нельзя сказать о работах Гитлера. Впрочем, сам он всегда относился к ним лишь как к средству заработать на хлеб и тратил на каждую не больше двух-трех дней. Продавал он свои произведения через галерею Штуффле, что на Максимилианплац, а также

самостоятельно, в магазинах и ресторанах. Сюжетами служили: Хофбраухаус, церкви, старая ратуша, Фельдхернхалле, государственный театр, старые дворики и рынки. Зато архитектурные рисунки он бережно хранил, считая их своей «главной ценностью». Гостей он не принимал; газеты, как и в Вене, читал в кафе; судя по всему, ни с кем особенно не общался.

Этой спокойной одинокой жизни пришел конец, когда Адольфу неожиданно пришло уведомление, предписывающее явиться в судебную полицию. Австрийские военные власти все-таки разыскали его и вызвали в Линц. Мюнхенские полицейские доставили его в австрийское консульство, где Гитлер сыграл под дурачка, изобразив из себя человека абсолютно честного, но больного. После обмена письмами и телеграммами ему было позволено отправиться в Зальцбург, расположенный недалеко от границы. Он прибыл туда 5 февраля 1914 года и был признан негодным к военной службе в связи со слабым здоровьем. Можно легко представить себе, с каким облегчением Гитлер вернулся в баварскую столицу. В этом немецком городе он с самого начала чувствовал себя комфортно. Местный диалект напоминал ему годы юности, проведенные в Пассау, ему нравилась атмосфера Мюнхена, проникнутая одновременно первобытной силой и творческим вдохновением. Тот, кто не видел Мюнхена, любил повторять он, не знает ни Германии, ни немецкого искусства. Здесь же Гитлер, судя по всему, обрел некое подобие внутреннего покоя, ощущение, что он попал к себе домой. И нет ничего удивительного в том, что, когда придет пора доказать Германии свою любовь и восхищение, он запишется в баварский полк.

Глава вторая
Европейский кризис

Национал-социализм и Германия

Вопрос, который мы задавали себе тысячу раз и еще будем задавать, звучит так: почему национал-социализм развился и укоренился именно в Германии, а не где-либо еще? Как страна Гёте и Бетховена, Маркса и Эйнштейна могла пасть так низко, совершить такое количество преступлений – или проявить к ним такую терпимость? Каковы те особенности, которые привели немцев к политике разрушения, хотя другие европейские страны, переживавшие возникновение сходных идей и проблем, не поддались искушению, а если и поддались, как Италия, то в гораздо менее радикальной форме?

Здесь нет необходимости (да и возможности) пересказывать историю Второго рейха. Разумеется, можно попытаться классифицировать теории, объясняющие причины «немецкого сдвига»: одни из них подчеркивают роль личности, вторые настаивают на значении социально-экономических факторов, наконец, третьи уделяют особое внимание идеологии. При этом ни одна из них не пренебрегает заключениями других, разве что отдает приоритет собственному подходу. Учитывая чрезвычайно высокую сложность вопроса, эти отчасти редукционистские теории позволяют сделать его более понятным, но зачастую навязывают его решению собственную логику, акцентируя те факторы, которые служат им подтверждением, и пренебрегая или замалчивая те, что идут с ними вразрез. Но для действующих лиц истории все эти вещи были гораздо менее очевидными.

Прежде всего следует считать абсолютно антиисторичными попытки искать корни национал-социализма в немецком «национальном характере», который ничуть не изменился со времен германцев, описанных еще Тацитом, либо в знаменитом протесте Лютера, метко названном Эдмоном Вермеем «немецким делом». Согласиться с подобной теорией значило бы попасть в ловушку, поставленную немецкими националистами, в том числе нацистами и Гитлером: озабоченные необходимостью легитимизировать свое существование, они охотно именовали себя наследниками всех великих исторических деятелей своей страны, от Лютера до Фридриха II Прусского и Бисмарка. При этом нельзя не поразиться, как много зарубежных историков и аналитиков увидели в национал-социализме логичное завершение немецкой истории.

Роль личности

В толковании немецкой истории, ориентированном на доминирующую роль личности, можно различить несколько фаз. Вначале возникла тенденция взвалить всю вину на одного Гитлера: во-первых, он не был немцем, во-вторых, был настоящим исчадием ада, наконец, его появление на арене немецкой истории случайно (точно так же можно заявить, что итальянский фашизм – всего лишь случайное отклонение). После яростных нападок эта теория уступила место более тонкому анализу: исследователи задались вопросом о преемственности власти в Германии, в том числе между Бисмарком и Гитлером, что повлекло за собой переоценку деятельности первого, сопровождающуюся острой критикой его внутренней политики, гораздо более суровой, чем по отношению к проводимой им внешнеполитической линии. Также подверглась пересмотру и фигура Вильгельма II, до той поры почти не привлекавшая внимания историков, особенно немецких. Необходимо отметить, что специалисты, принадлежащие к разным течениям – «персоналистскому», социоструктуралистскому и идеологическому, – схо-

дятся в одном, а именно: все они утверждают, что ключевым для вскрытия корней такого явления, как национал-социализм, следует считать период правления Вильгельма. Именно в годы Второго рейха (1871–1918) получили развитие факторы, подготовившие для него почву. Британский исследователь К. Дж. Рёль набросал пугающий портрет последнего германского императора. Этот испуг вызван тем, что целый ряд черт его характера и режима его «личного правления» до странности напоминают Гитлера и стиль его отношений с ближайшим окружением. Если правда, как утверждает Рёль, что Вильгельм II стал олицетворением политической культуры своего времени, являясь одновременно монархом «милостию Божией» и выскочкой, средневековым шевалье в сияющих доспехах и «богом из машины» современной технологии, создателем немецкого военного флота и юнкером[9]

[9] Юнкер – крупный помещик в Германии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.